ОПИУМ

За мгновения ДО...

МАЛЬЦЕВА ВИКТОРИЯ

18+

Виктория Мальцева

Опиум. За мгновения до

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мальцева В.

Опиум. За мгновения до / В. Мальцева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04526-2

Еве и Дамиену «повезло»: они – дети от первых браков. Сжигая сердца, сводные брат и сестра ненавидят друг друга и мстят, пока дело не доходит до катастрофы. Спустя годы Ева вынуждена вернуться в злополучный дом, где всё ещё живёт Дамиен. Агрессивный когда-то мальчик стал теперь мужчиной, успешным гонщиком и лидером в школе, а у Евы появились новые враги – любимая девушка Дамиена и учащённое сердцебиение всякий раз, как тёмные глаза брата сталкиваются с её взглядом. Её цель – протянуть год до окончания школы и сбежать в колледж, однако неизбежное неизбежно. Их путь не будет простым и понятным, не ждите предсказуемости, банальности, избитости. Приготовьтесь распахнуть свою грудную клетку настежь.

ISBN 978-5-532-04526-2

© Мальцева В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Аэропорт 7
Глава 2. Происки Провидения 11
Глава 3. Семья 14
Глава 4. Организационные моменты 17
Глава 5. Первый день в школе 19
Глава 6. Пакт о нападении 22
Глава 7. Герой или дурак? 24
Глава 8. О слабостях 27
Глава 9. Азы соблазнения 30
Глава 10. Кому горяченького? 33
Глава 11. Гонки 36
Глава 12. Костры 40
Глава 13. Дамиен: Вкус, цвет и запах 43
Глава 14. Приём гостей 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Пролог

Шесть лет назад

Мои ноги и шея затекли, в желудке отчаянно крякает голод, меня безумно мучает жажда и желание посетить уборную.

Я сижу в шкафу. Это ниша в стене, закрытая двумя деревянными створками на роликах и предназначенная для хранения хлама, не поместившегося во все остальные чуланы в доме. Над моей головой висят страшные на вид тряпки, бывшие в далёком прошлом жёлтой и голубой и, очевидно, оставленные сушиться после уборки. Перевёрнутое пластиковое ведро служит мне троном, но даже при таких удобствах ноги уже немеют, спину ломит, а руки чешутся.

Руки чешутся мстить. Мой план прост, но коварен: деревянная лестница, покрытая толстым слоем лака и скользкая до безобразия – собственная костлявая задница уже не раз пересчитала её ступеньки. Сложность проекта заключается в том, что ОН – сильнее, поэтому вся надежда на элемент неожиданности.

Сегодня я твёрдо намерена проявить насилие в его адрес, воздать кару за содеянное, и самое страшное – выглядеть смешной и бестолковой, если ничего не выйдет. Я прямо вижу его смех, прищур и руки, придерживающие надорванный свирепым хохотом живот.

Сволочь, он будто чувствует подвох, будто знает, что я в засаде, и не идёт. Какого чёрта можно делать так долго внизу?

Может, этот придурок Рон к нему явился, или овечка Молли с соседней улицы? Я даже не знаю, кто из них хуже: дружок с препарированным мозгом или шлюшка-подружка.

Они… целуются! С закрытыми глазами! Прижимаются губами, как взрослые, и даже открывают рты, чтобы обменяться слюной и кариесом. Меня мучает только один вопрос: ну неужели же не противно? Очевидно, нет, потому что в последнее время мой крысо-брат не на шутку увлёкся этим делом. Если так и дальше пойдёт, они и сексом займутся! Идиоты.

Выдержка трещит по швам, мою двенадцатилетнюю душу мучают десятки желаний, главное из которых – жажда в более интересном времяпрепровождении, нежели засада в шкафу, а меньшее – потребность бросить что-нибудь съестное в уже отчаявшийся желудок.

Я на грани дезертирства и вынуждена призвать память, дабы подбросить дров в пламя ненависти: ехидная рожа этого скунса – раз; мои дорогие куклы, полыхающие в его адском костре – два; дыра в любимом платье – три; тысячи гадостей и мерзостей, извергнутые его никогда не мытым ртом – четыре; ну и чёртова Молли – тренажёр для слюнявых поцелуев – пять. Пожалуй, достаточно, хотя можно было бы продолжать до бесконечности. От нервов у меня даже ноги зудят так, что их приходится время от времени почёсывать.

Вдруг, наконец, я слышу долгожданные шаги по лестнице: мне даже не нужно проверять брат ли это – так шустро, с грохотом перепрыгивая ступени, носится только он. Моё тело – атлет на старте, моё внимание – пик сосредоточенности. Теперь самое главное – выбрать правильный момент. Как только голова лузера появляется в поле моего ограниченного щелью зрения, я одним резким движением раздвигаю двери и бросаюсь вперёд.

Неожиданность – моё стратегическое преимущество. Дамиен успевает увидеть и осознать, но предпринимать меры по самозащите уже поздно: я со всей доступной мощью врезаюсь в него. От столкновения мне так больно, что на мгновение темнеет в глазах, и только слух доносит до сознания глухие удары о деревянные ступеньки лестницы – это падает Дамиен.

Инерция оказывается неучтённым побочным эффектом, и я обнаруживаю себя на одной из нижних ступеней первого пролёта. Руку саднит, лоб вещает болью о столкновении с чем-то твёрже Дамиена, в ногах – в районе коленей – подозрительная по силе боль, и тишина в доме.

Гробовая тишина.

Я долго тру ушибленные места и пытаюсь собраться с мыслями. Самое странное, Дамиен не спешит с ругательствами и ответным насилием. Не сразу, но мой взгляд всё же замечает его неподвижное тело на полу холла, метрах в двух от последней ступеньки лестницы. Он лежит лицом вниз, смешно изогнув руки и ноги.

Но мне не до веселья: подозреваю, что отмороженный брат прикидывается потерявшим сознание, чтобы заставить меня приблизиться, и ответит со всей своей жестокостью. Надо отметить, до этого момента он не избивал меня путём прямого рукоприкладства, только косвенно, в виде неудачно запущенного мяча, чашки, вилки, ложки, тряпки для вытирания школьной доски или пола, что тоже подходяще. Но сегодня, я знаю, особенный день. Сегодня он попытается меня убить, прикончить, как того кривого котёнка, которого они с Роном накануне хоронили в саду. Ублюдки.

Когда мои глаза обнаруживают лужу крови на тёмном дубовом полу, кровожадная в своей мести амазонка резко превращается в перепуганного до чёртиков ребёнка. Первое, что я делаю – это бросаюсь к брату и начинаю истошно орать его имя, но Дамиен не отвечает. Я тормошу его плечо и, кажется, даже выдаю словесное позволение меня ударить, но он не двигается и никак не проявляет заинтересованности. И только тогда, наконец, в моём сознании всплывает 911. Я звоню им, говорю, что брат упал с лестницы и не дышит (хотя не проверяла), что на полу много его крови, и что меня сильно тошнит и вот-вот вырвет. И это происходит почти сразу же.

Следующее, что я делаю – это звонок Дэвиду:

– Дэвид, я, кажется, убила твоего сына!

Глава 1. Аэропорт

Сколько бы ни прошло времени,
если человек запал в твою душу,
ты всегда будешь его ждать.

Джаред Лето
Ben Howard – Time Is Dancing
Michael Kiwanuka – Cold Little Heart

Под моими ногами чёрный резиновый пол шлюза, соединяющего трансокеанический авиалайнер с современным аэропортом Ванкувера. Сквозь стыки конструкции прорывается прохладный воздух, и мне даже кажется, я могу уловить в нём запах хвои, морскую соль, свежесть заснеженных горных вершин, окружающих мегаполис.

В незнакомом аэропорту сразу теряюсь, но пока меня несёт поток людей, ставших за долгие часы перелёта уже не чужими, я говорю себе, что всё идёт по плану, я не потеряюсь, не забреду «не туда», и уж точно не улечу в неизвестном направлении. Лабиринты коридоров, досмотр документов и каменные лица офицеров вынимают из пыльных закромов памяти кадры фильма «Терминал», резвое воображение тут же дорисовывает картины моей жизни в этом бесконечном здании, и я улыбаюсь собственной глупости.

В огромном стеклянном зале, открывающем панораму на взлётное поле и тёмные воды залива, меня останавливает внезапный шок от увиденного: лилово-розовое предзакатное небо, бесконечная водная гладь – невероятное, потрясающее, сказочно красивое зрелище! Я не впервые в этом городе: когда-то, много лет назад, мне даже довелось в нём жить, но память не сохранила ни лиц, ни городских красот: это место прочно ассоциируется с ненавистью. Такой жгучей, что иногда мне самой становится страшно от её силы и упорства.

Дамиен…

Сын нового мужа моей матери. Мой ровесник, оторвыш, почти всю жизнь росший без матери, агрессивный психопат и полный придурок. Те дни, что я провела в ЕГО доме (ибо это был именно ЕГО дом), стали моим кошмаром наяву, забыть который я не смогу до самой старости.

Канадский офицер внимательно рассматривает моё лицо, и я считаю своим долгом скривить физиономию в припадочной улыбке. Темнокожий серьёзный блюститель иммиграционного порядка поднимает брови и обречённо вздыхает: на фото у меня волосы зелёного цвета, а в реальности – каштановые. А что делать? Разве я виновата, что паспортным процедурам пришлось попасть на эпоху экспериментов? Я и оранжевой была, и синей, и розовой. Сейчас я, как все, и это дань не то чтобы обществу, а, скорее, матери, которую я не уважаю, местами презираю, но всё равно бесконечно люблю.

Мой паспорт получает грубый штамп и невнятную фразу:

– Добро пожаловать в Канаду!

У багажной карусели приходится долго ждать свой чемодан, и я уже начинаю беспокоиться, как вдруг слышу диалог бывших попутчиков:

– О! Да мы прибыли на сорок минут раньше!

– Серьёзно?

– Ну конечно! Смотри, по расписанию в 19:30, а сейчас только 18:50…

– Может быть время неверное?

Я ищу глазами часы с местным временем: действительно, 18:50. Вот чёрт, ещё и ждать придётся. Мать должна забрать меня из аэропорта в восемь вечера, и главное, о чём я прошу Провидение в данную минуту, это чтобы она не прихватила своего муженька.

Дэвид, на самом деле, наверное, даже неплох. Не могу сказать, что у меня есть основания и поводы за что-либо на него обижаться, ненавидеть, злиться, и так далее, просто парню не повезло – он не мог мне понравиться даже в теории, потому что слишком быстро явился на замену моему отцу. А отца я любила. Отец был частью меня, моей жизни, моего мировоззрения. Моей силы, моей воли, моей мудрости. Он был половиной моего мира.

«Сорок минут кайфа!» – внезапная мысль. И план уже готов: журнал со знаменитостями, уютный столик у окна с видом на всё ещё тонущий в лиловом зареве залив и самый большой стакан латте из Starbucks. С сиропом. Можно даже кленовым.

Обложки журналов вызывают во мне дебаты: новый парень Дженнифер Энистон или подробности жизни королевской четы? Может оба? Нет, мир страдает от перепотребления – нужно ограничивать свои желания.

Внезапный лёгкий толчок в плечо заставляет меня резко взглянуть на стоящего рядом. Это парень, темноволосый, сосредоточенный. В его руках журнал с красным сверкающим авто на фоне петляющего горного серпантина.

«Боже! Как предсказуемо!» – думаю.

Он раскрывает журнал на странице с оглавлением и, нахмурившись, ищет нужную ему рубрику.

Губы…

Его губы – это всё, что я вижу.

Они красивы. Нет, не так: они невыносимо притягательны. Даже в профиль, изгиб бледно-малиновых линий влечёт своей мужественностью и нежностью одновременно. Мой взгляд, словно намертво, приклеен к ним суперклеем, и только мозг успевает дать голове команду отвернуться и не разглядывать так явно незнакомца, как вдруг он поворачивается в мою сторону, и наши глаза встречаются. На мгновение мы прикованы друг к другу этим непредвиденным столкновением, оба в состоянии, более похожем на лёгкий шок, нежели на неловкость или разумное желание сблизиться. Я отворачиваюсь первой и уже за столиком кафе внезапно осознаю, что так и не купила журнал. Забыла! Словно провалилась, выпала из реальности, позабыв всё, что имело значение до этого.

Я возвращаюсь к киоску, хватаю первый попавшийся журнал, и на его обложке оказывается Дженнифер, что в целом неплохо, но ловлю себя на том, что шарю взглядом по залу в поисках незнакомца.

Какого цвета были его глаза? Не помню. Как выглядело его лицо, во что он был одет? Не помню. Только губы и взгляд: умный, глубокий и… дерзкий?

Очень скоро я переключаюсь на соблазны в витрине кафе. Брауни или тирамису? Тирамису или брауни? Или и то, и другое? Я давно изобрела способ отказывать себе в излишествах: если долго сомневаться с выбором, быстро перегораешь, и покупка или желание её совершить уже не кажутся такими уж значительными.

Вздыхаю и возвращаюсь за свой столик. Плюхаюсь на стул, тоскливо разглядывая кафе, и вдруг вижу… ЕГО! Тот самый ОН сидит, свободно откинувшись на мягкой спинке диванчика, за соседним столиком, прямо напротив меня. И читает журнал. Перед ним бутылка с водой, высокий стакан с фирменной маркировкой «Starbucks» и четверть лимона на чёрном блюдечке.

Оторвавшись от увлекательного разглядывания авто класса люкс, незнакомец с сексуальными губами, плотно сжатыми в данный момент, переливает воду из бутылки в стакан и выжимает в неё сок лимона.

А я не могу оторвать глаз от каждого его действия, шевеления. Даже манера держать голову чуть склонённой набок и бросать короткие взгляды вдаль на залив мне нравятся. У парня довольно длинная чуть вьющаяся чёлка, но пострижен он коротко в стиле «too cool for school», что заставляет меня улыбнуться: очередной Нарцисс! Сколько таких я видела за свою не такую уж и длинную жизнь? Немало.

Природа или родители наградили меня некоторой привлекательностью, не говорю красотой, потому что эта категория обладает известной долей субъективности. Проще говоря, я из тех девиц, у которых «всё на месте и в полном порядке».

Неожиданно сосед поднимает глаза и ловит меня с поличным за разглядыванием его персоны. Мне кажется, я в буквальном смысле слышу щелчок закрывшегося замка в тот миг, когда наши взгляды соприкасаются. Мгновения, растянувшиеся в минуты, мы сидим напротив, в каких-то четырёх-пяти метрах друг от друга, и смотрим в упор. Они тёмные, его глаза, карие, наверное. Мои тоже карие, но как-то иначе – оттенок другой. Я хочу оторваться от его взгляда, но не могу. Чёртов замок…

Незнакомец совершает небольшое движение головой, чуть склоняя её, словно заставляет себя разорвать наш зрительный контакт, но не отпускает меня до последнего. Я чувствую себя выигравшей негласное состязание и замечаю на его лице нечто, отдалённо напоминающее улыбку – чуть подтянутый краешек рта. Внезапно осознаю, что нервно вспотела, а щёки мои горят красным пожаром. Ну надо же… Я ведь никогда не относилась к числу краснеющих скромниц! Хотя и слишком опытной меня не назовёшь.

Долго рассматриваю Дженнифер в модном сарафане на обложке. Я бы купила себе такой же. Да мне вообще нравится её стиль! И волосы. Надо перевернуть страницу, чтобы выглядеть убедительней.

Я искоса подглядываю за соседом: он снова занят своим журналом, но его глаза то и дело отрываются от своего занятия, чтобы взглянуть… на меня! Мои щёки краснеют ещё гуще, а нос снова прячется в статье про Дженнифер. Если не видеть незнакомца, будет легче противостоять соблазну. Но чёрт! Этот парень с чувственными губами не пирожное… И какие альтернативы? Их ведь нет? Отсутствие дилеммы заканчивается полным поражением: я опускаю журнал и ожидаемо наталкиваюсь на всё тот же внимательный взгляд. Мой сосед теперь улыбается!

Мне!

Вот же чёрт!

Кажется, я тоже улыбаюсь. Ему.

Фигура барменши, внезапно возникшей у моего одинокого столика, заставляет меня вздрогнуть: в её руках чёрное квадратное блюдо, а на нём брауни.

– От него! – кивает в сторону моего незнакомца, широко улыбаясь, и подаёт тарелку, по-азиатски удерживая её обеими руками, что так приятно…

Щедрость: + 20

Ум: + 50

Вы играете в видеоигры? Я нет! Ну ладно, признаюсь: иногда это случается. Очень редко, когда окончательно устану от реальности. Почему я об этом вспомнила именно сейчас? Да потому, что любое начало чувств напоминает мне прохождение квеста: набери 1000 очков и перейди на следующий уровень.

Моя физиономия улыбается ещё шире! Нет, не оттого, что мне подарили брауни, а потому, что рядом с блюдом лежит записка. На плотной кофейного цвета салфетке ясным, чётким, аккуратным почерком написано:

«Встречаешь или уезжаешь?»

Я выуживаю из своего рюкзака фиолетовый карандаш, но он наотрез отказывается писать на мягкой текстуре салфетки. Я снова роюсь в сумке, нашариваю один из своих любимых алых фломастеров и старательно, как можно более красиво вывожу каждую букву:

«Ни то, и ни другое »

Девушка забирает записку и относит незнакомцу, так же вручая её обеими руками. От того, как широко и ласково она ему улыбается, меня сдавливает странное чувство. Пакостное такое. Неприятное.

Она ждёт, пока парень нацарапает свой ответ, затем удаляется с его кредиткой, оставив двадцатку наличными на столе нетронутой. Надо же! Чаевые не взяла за свои любезные услуги, и мои зубы начинают поскрипывать. Пока мы переглядываемся, всё так же улыбаясь друг другу, я всерьёз обдумываю мысль пересесть за его столик. Потому что китаянке с рябиновой помадой на маленьких, но пухлых губах он тоже улыбался.

Я, вообще, много размышляю в последнее время, и для себя решила, что в случайном сексе нет никакого вреда. И аморальности тоже нет – это как сбегать в McDonald's, если не можешь отобедать в ресторане.

Девушка-азиатка вновь у моего стола. Опять с чёрной квадратной тарелкой: на этот раз тирамису… И до меня, наконец, доходит: он наблюдал за мной! Улыбка растягивает мою недовольную до этого мину, я благодарю барменшу и принимаю наш салфеточный диалог:

«Пойдёшь на свидание?»

Вывожу ответ:

«А вдруг ты маньяк, и аэропорт – твоё место охоты?».

Получив салфетку обратно, он смеётся и, сверкнув своими тёмными глазами в мой адрес, вновь что-то пишет.

На третьей чёрной тарелке я получаю стакан с коктейлем и мороженое.

«Это мой любимый десерт. Рекомендую!»

А ниже круглыми цифрами словно напечатан номер телефона. И подпись мелко:

«Если набрать эту последовательность цифр в сотовом, можно найти свою удачу. Попробуй, вдруг сработает?»

Я поднимаю глаза и обнаруживаю, что моего нового друга по переписке нет… Сдуло его. Словно и не было этого диалога, а всё только приснилось мне. Трогаю краешек чёрной тарелки с тирамису – проверяю свою вменяемость: нет, всё-таки был этот чудак с пирожными, сидел напротив, улыбался, смотрел в глаза и дарил лакомства.

Глава 2. Происки Провидения

Происходит только то, что должно происходить. Все начинается вовремя. И заканчивается тоже.

Ф.М. Достоевский
Alseyda – Lullaby

Плановое время моего прилёта уже давно осталось в прошлом, всех, кого должны были встретить – встретили, и только я вот уже полчаса стою в гордом одиночестве, подпирая стеклянный декоративный бортик второго этажа. Из этой точки идеально просматриваются и лестница, и эскалатор: я не могла её пропустить, не могла! А если бы и пропустила, должна же она вернуться за мной!

Спустя минут десять я начинаю волноваться и ещё через десять серьёзно нервничать. В итоге не выдерживаю и, злющая, спускаюсь вниз, мысленно выговаривая матери всё, что о ней думаю, о нашей жизни и вообще…

На улице, прямо за стеклянной дверью центрального входа стоят люди, и один из них – мой сбежавший незнакомец. Увидев меня, он щурится и опускает голову – явно флиртует. Мы вновь играем в гляделки, но совсем недолго: мой кавалер часто поглядывает на часы – явно куда-то торопится. Наконец, он отрывает свой божественный (и тут я даже не преувеличиваю) зад от металлических перил и приближается ко мне красивым уверенным шагом, как раз таким, каким ходят знающие себе цену Нарциссы:

– Привет… – мило улыбается, глядя с обаятельным прищуром.

А я в шоке от самой себя, потому что его голос… его голос заставляет меня, МЕНЯ – непробиваемую Еву – почти дрожать!

– Привет, – отвечаю и тут же возвращаю его же вопрос, – встречаешь или улетаешь?

– Встречаю! – гордо вскидывает брови. – А ты?

– А меня должны встретить.

Я помню о Макдональдсе. Говорят, чизбургеры в Европе вкуснее американских. Может, дело в ингредиентах? Ну там, выросла корова или бычок на лугах Прованса или на ферме Техаса?

Взгляд незнакомца коротко блуждает по мне и останавливается на губах. О, чёрт, выражение его лица сложно описать, можно только констатировать: ему явно нужно в McDonald's! И срочно. Товарищ выглядит так, будто его не кормили вечность, и теперь, выбирая блюда, он, с голодухи, готов заказать всё меню. Мне неловко, и я смущаюсь, а когда это происходит, у меня обычно случается словесный выброс. Вот как сейчас, например:

– Меня мама должна встретить. Обычно рейсы задерживают, а мне как всегда «повезло»: мой прилетел раньше почти на час, поэтому я тут давненько зависаю! Хе-хе! – натянуто посмеиваюсь и наблюдаю за сменой эмоций на его лице.

Мне очень нравится этот самоуверенный тип. Первый секс должен быть если не с «принцем», то уж, по крайней мере, с кем-то особенным.

– Я в перелётах вторые сутки, – заявляю ему, – прилетела из Австралии, и знаешь, эти пересадки… кажется, сейчас ноги отвалятся, и открутится голова! Ха-ха…

Он не смеётся. Вместо этого неожиданно нагло и хмуро оценивает все мои сто шестьдесят сантиметров своим изменившимся до неузнаваемости взглядом.

Я чувствую, что ляпнула что-то не то, но пока мой мозг лихорадочно обдумывает, что бы это могло быть, я получаю вопрос, который является совершенно нормальным в подобных ситуациях, но задают его обычно уж точно не ледяным как Южный полюс тоном:

– Как тебя зовут?

Обычно я не сообщаю незнакомцам своё имя, ну или вру, например, что звать меня Ингрид или Амалией, красиво же да?

– Ева, – отвечаю, словно под гипнозом.

И вот теперь его лицо становится бледным. Как саван мертвеца. С серым оттенком. Он снова сощуривается, но былой улыбки нет и следа, вместо неё его губы сжаты почти добела в одну линию.

Внезапно я узнаю и прищур, и излом на губах… И ямочку на левой щеке…

Чёёёёёёрт…

Вот до любого бы уже, наверное, дошло, но только не до меня!

Не могу поверить!

Я не хочу в это верить!

– Дамиен?

Он не отвечает. И неудивительно: его челюсти сковало так, будто это стальной капкан, а не человеческий рот!

У меня шок. У него шок. У нас обоих шок. Мы не узнали друг друга. Оставив пубертат в прошлом, мы оба не признали в повзрослевших телах заклятого врага.

«Не на жизнь, а насмерть!» – обещали друг другу в детстве ненавидеть и мстить до самого конца. До последнего вздоха! Как самураи. Или Чингачгуки.

Незнакомец… Дамиен спокойно поднимает мой чемодан, хотя он на колёсиках и оснащён удобной ручкой, да и размер у него ручной клади.

– Машина на втором уровне парковки, – сообщает ровным голосом.

– А… где мама?

Я бегу за ним – не оставаться же в аэропорту чужого города.

– Занята.

Одно слово. Тоном, полностью лишённым эмоций. Не то, чтобы мне нужны были его эмоции, да какого чёрта вообще?! Это же Дамиен! Придурочный на всю голову сводный брат! Но, думаю, если мама прислала его за мной, должен же он был поумнеть, измениться в лучшую сторону, так сказать. Не могла же родная мать подвергнуть своё собственное дитя опасности?!

Я беспокоюсь о своём чемодане. Скорее всего, он швырнёт его в багажник со всей дури. Да, именно так он и поступит. Теперь ясно, зачем так резво ухватился за ручку. Вообще-то, мне наплевать, но у меня там… объективы! Ну не влезло всё в ручную кладь!

Пока я собираюсь с духом, чтобы попросить братца быть деликатнее с моими вещами, мы подходим к его машине. И у меня отвисает челюсть: чёрная, красивая, маленькая, похожая на спорткар. С лошадью сзади… Мустанг, кажется. Таким часто ещё рисуют две белые полоски на капоте.

Я ж говорю – Нарцисс.

Ну надо же, гад! Как флиртовать научился! А ведь я почти попалась! Ну, или… попалась.

Дамиен открывает малюсенький багажник и аккуратно втискивает в него мой чемодан. Мне не о чем было беспокоиться: видно же, он с этой тачки каждую пылинку сдувает.

Я бы предпочла заднее сидение: чем дальше от НЕГО, тем безопаснее. Но у машины всего две двери, и я понятия не имею, как отодвинуть сидение, чтобы пролезть назад. Поэтому усаживаюсь рядом. Пристёгиваюсь.

Дамиен всё с тем же каменным лицом заводит машину и выруливает с парковки. Мы подъезжаем к шлагбауму, и в тот момент, когда «несостоявшееся свидание» тянется к аппарату оплаты за парковку, мои глаза скользят по линии его затылка, шеи к плечам… И я отворачиваюсь. Потому что незадолго до этого разглядывала его пальцы и выпирающие вены на кисти руки, управляющей рычагом переключения скоростей. Мне не нравится этот мой взгляд: мы ведь уже выяснили, что парень – Дамиен. Грёбаный Дамиен! Мой сводный брат.

Дорога до нового дома заняла ровно сорок минут, я засекала. Город по обеим сторонам хайвея был красивым, наверное, но я его не видела. За всё время поездки ни один из нас не произнёс ни слова. Не знаю, о чём думал Дамиен (наверное, о дороге), но я пыталась вспомнить детали своего отъезда.

Родители были вынуждены развести нас по разным углам, поскольку мы оба нарушили все допустимые и недопустимые границы, перешагнули все разумные пределы. Но вышло так, что финальный аккорд оказался за мной: я спустила сводного брата с лестницы. И он упал очень неудачно – сильно повредился: было много крови, Дамиен сломал руку, разбил голову, получил сотрясение и лишился сознания. Через неделю мать отправила меня в Австралию к Агате, матери моего отца и моей родной бабушке, а Дамиена я так и не увидела – его долго не выпускали из госпиталя.

Сейчас я даже не могу толком вспомнить, что он делал такого, что я так сильно его ненавидела, но помню, что доводил меня до зубовного скрежета, до желания вырвать все волосы на его голове. Одно из самых ярких воспоминаний – кукла Вуду. Я мастерила её долго, старательно шила, рисовала лицо. А потом с чувством вонзала иглу в то самое место, где у живого Дамиена должно было быть, по моему разумению, сердце – прямо посередине груди. И только теперь я понимаю, что всё время промахивалась – ведь сердце расположено гораздо левее.

Может быть, поэтому он и не убился тогда насмерть?

Глава 3. Семья

Gracious – Ben Howard

Мы останавливаемся у дома, который я не узнаю. Место вроде бы то же – Вестминстер, долина реки Фрайзера, но сам дом другой. Он стал раза в два, если не в три, больше, однозначно красивее и современнее. Зелёный фасад в европейском стиле выгодно отличается на фоне типичных прямоугольных коробок, построенных, к тому же, из картона. Но больше всего мне нравятся балкончики и террасы, украшенные цветущими ярко красными и белыми геранями. В окнах первого этажа горит свет, и сквозь большое панорамное стекло я вижу хлопочущую на кухне мать и Дэвида.

Дамиен вынимает мой чемодан из багажника и так же, не опуская на колёсики, относит в дом. Я плетусь за ним, сдержанно обнимаюсь с матерью, приветствую отчима. Всё быстро и без лишних сантиментов – чем быстрее переживу, тем лучше.

Мой чемодан демонстративно плюхается на плиточный пол кухни, хрустя конструкцией и содержимым (ну вот я знала же, знала!), и Дамиен ставит точку в вынужденной/вымученной, очевидно, миссии:

– Готово.

«Год» – говорю себе. «Один только год продержаться, и буду свободна!».

Свобода… Как заманчиво, как сладко это слово! Пусть начнётся нелёгкая студенческая жизнь – общежитие, кампус, неустанная зубрёжка и стресс из-за не вовремя сданных проектов – но она навсегда избавит от необходимости делать вид, что мне известно значение слова «семья».

– Мам?

– Да?

– А почему ОН меня встречал? – решаюсь на вопрос, как только Дамиен исчезает в недрах этого огромного теперь дома.

– Нам нужно серьёзно поговорить, Ева.

Затем с улыбкой:

– После ужина!

Вскоре Дамиен спускается, и я замечаю, что он переодет в секси плейбоя. Подходит к одному из двух холодильников, заглядывает в него и, спустя короткое время, уже стоит с упаковкой натёртого сыра, уплетая его в скоростном режиме.

– Дамиен! Ужин! – восклицает мать.

Дамиен смотрит на неё, как всегда, исподлобья. Как бы она ни старалась ему угодить, а делала моя мать всегда именно это, мне очевидно, что пасынок воспринимает её в тех же понятиях и категориях, как и я своего отчима. То есть никак. Как пустое место. Как временный персонаж в непредсказуемой ленте жизни.

Мать всегда из кожи вон лезла, желая стать идеальной женой новому мужу и безупречной матерью не своему сыну. Я считаю это самым настоящим предательством. Это как отречься от Бога и продать душу дьяволу. Переступить через собственного ребёнка и облизывать чужого, лишь бы угодить желанному мужику. Прогнуться под обстоятельства.

Дамиен уехал, не дожидаясь ужина. Собственно, он много и не потерял: креветки с соусом – полуфабрикат из Костко – и картофельное пюре.

– Мам! У нас есть семейные альбомы? – спрашиваю после чая и односложных ответов на односложные вопросы Дэвида о перелёте.

– Есть. А что это ты вдруг заинтересовалась? – и во взгляде усмешка.

– Захотелось взглянуть на себя в детстве, – отвечаю, не моргнув.

– Или на Дамиена?

И я краснею. Чёртовы предательские щёки.

– Зачем он мне нужен, мам?

– Он изменился, правда? – с гордостью.

И мне эта гордость не то, что неприятна, у меня, кажется, шею свело, от вида материнских восторженных глаз.

– Возмужал! Такой крепкий стал, красивый! Учится хорошо, драться совсем перестал.

– Да уж! – не выдерживает Дэвид. – Конечно, перестал!

– Ну, по крайней мере, совсем не то, что раньше было. Теперь он взрослый и мудрый, научился контролировать себя, сдерживаться. Ну а то, что морду набил тому парню…

– Брэндону! – подсказывает отчим с возмущением.

– Да, Брэндону, так тот сам виноват! Нарвался!

– Брэндон как раз за честь сестры заступился!

– Да какая там честь, Дэвид! Они ж дети ещё: сошлись – разбежались! В этом возрасте у всех так, что ж Дамиену жениться что ли на ней нужно было?

– Если взял на себя обязательства за девушку – отвечай!

Дэвид либо не в духе, либо с Дамиеном у них, как у двух самцов на одной территории, имеются разногласия. Но в целом мне нравится то, что говорит отчим.

– Ерунда это всё! – не унимается мать. – Дамиен всё правильно делает. Молодец он у нас.

Мне аж тошно. Вот прямо вывернуло бы.

– Так что там с моими фотками?

– Посмотри под телевизором в тумбочке – там должны быть и твои, и Дамиена.

Семейный фото-архив находится почти сразу, и только я собираюсь уединиться, как мать выхватывает альбом Дамиена из моих рук:

– Давай вместе посмотрим, я сто лет их не видела! – восклицает.

Надо сказать, братец действительно очень сильно изменился. Обычно люди легко узнаваемы, пусть и вырастают почти в два раза, но Дамиен совсем не похож на себя в детстве. На фото он – мальчишка с дерзким плутовским взглядом и соответствующей ухмылкой, сейчас – мужчина. И хотя мне неприятно это признавать, взгляд у него умный и гораздо более глубокий, чем можно было бы ожидать.

Но если рассуждать по совести, то и меня ведь теперь не узнать. На фото я – девочка с распущенными каштановыми волосами, частично беззубая и настолько худая, что подвздошные кости и ключицы не просто выпирают, а выглядят анатомическим пособием. А в глазах – Вселенская Ненависть. Снимок был сделан Дэвидом всего за пару недель до «того случая» и моего отъезда. Это был пикник в Роки-парке: мы вчетвером и ещё несколько семей на зелёной поляне. Дэвид сфотографировал нас, когда вся компания детей играла в волейбол, и я чётко помню, как это пресмыкающееся с вечной грязью под ногтями, по имени Дамиен, почти всё время «случайно» попадало в меня. Ага, ему было двенадцать, как и мне, и метнуть мяч он мог уже очень сильно. Настолько, что у меня болел живот, ноги, руки, да всё вообще. Братик дважды норовил попасть в мою, только начавшую расти, грудь, но я успевала прикрыться, совершенно уже наплевав на счёт очков. Его сокомандники ржали, как кони, а мои ругали меня, пока не выгнали. Да! Я не очень хороший игрок в волейбол. И бейсбол. И сокер. Да я вообще терпеть не могу эти тупые обезьяньи развлечения, лучше книжку почитать! Такое фото в альбоме тоже есть: я сижу, скрючившись, на красном складном стуле. У него ещё надпись на спинке была Canada и кленовый лист посередине – до сих пор помню.

А ещё помню, как подвыпившие взрослые пекли кукурузу, и кто-то, уж не знаю, нарочно ли, поручил Дамиену отнести початок мне, сидящей всё на том же красном стуле у воды. Помню, что разворачивать фольгу не хотелось, но я всё же рискнула. Дура. В ней была моя сладкая кукуруза в сливовом масле и черви. Дождевые. Я тоже в долгу не осталась. Когда вся компания детей полезла ловить крабов на мелководье, Дамиен вызвался расставлять ловушки

в камнях и разулся. Дурак. Кроссовки его так и не нашлись, хоть мама и пытала меня, и угрожала. Назвала тогда же несносной девчонкой, отравляющей жизнь – это я хорошо запомнила. Очень хорошо.

– Ева, – обращается ко мне мать со вздохом, – мы уже говорили с Дамиеном, а теперь я хочу попросить и тебя: примите друг друга по-человечески. Нет никакого смысла в вашей вражде. Вы одна семья, а это на всю жизнь. Если не можете дружить, то хотя бы постарайтесь не быть друг другу врагами!

Дэвид откладывает один из альбомов в сторону и также принимается промывать мои мозги:

– Вы оба выросли, стали взрослыми людьми. Оба умные, красивые, успешные.

«Это в каком месте я-то успешная, интересно?» – думаю. А Дэвид продолжает:

– Ева, мы с мамой очень страдали от того, что тебе пришлось жить все последние годы вдали от нас. Это неправильно! – тут он делает паузу, чтобы справиться с собственными нахлынувшими эмоциями. – Это несправедливо ко всем нам! Я думаю, что в этом году, последнем, когда Вы оба живёте с родителями – у вас ещё есть шанс всё изменить. Для нас с мамой это очень важно, но и вы должны понять, что семья – это любовь, понимание и поддержка. Мы с матерью любим друг друга и хотим, чтобы и между вами, детьми, не было вражды. Мечтаем видеть вас в родительском доме и после того, как оба вылетите из гнезда!

– Поэтому мы оба тебя просим: Ева, будь благоразумной! Постарайтесь оба понять, что вы – семья! – встревает мама.

Тяжело припомнить, с чего всё это началось, но насколько я могу судить, теперь уже как взрослый человек, посеял вражду между нами Дэвид. Всему виной оказалась мамина любимая чашка с голубыми розами. Ничего необычного в той чашке не было, кроме того, что она единственная уцелела из прабабушкина китайского сервиза. Ну и маме именно из неё удобнее всего было пить её любимый инглиш брекфаст.

Разбила её я, но Дэвид, через секунду влетевший на кухню, почему-то решил, что это сотворил Дамиен. Неделя без видеоигр, телевизора и прогулок с друзьями – таким было суровое наказание без вины виноватого. Помню, как сильно удивил меня Дамиен, ни разу не возмутившийся и не объявивший реальное положение вещей. А мне было девять лет, и я обожала наблюдать за людьми, попавшими в «ситуацию»: в столь юном возрасте меня интересовала стратегия поведения каждого отдельно взятого индивидуума и его реакции на раздражители. А ещё Дамиен не признавал меня, игнорировал и смеялся со всеми своими друзьями, и этот маленький триумф был сладким на вкус и совсем не оставлял горечи, не звенел в ушах противным словом «подлость».

Глава 4. Организационные моменты

Утром, спускаясь по деревянной лестнице, обитой прямоугольными кусками бежевого ковролина, я слышу перебранку на повышенных тонах:

– Да, но какого чёрта делать это должен именно я?! Опять ваши идиотские стратегии? Так будьте добры, принимайте в расчёт не только свои желания!

– Дамиен! – я никогда ещё не слышала, чтобы Дэвид был настолько резким и громким. – Мы уже сотню раз обсуждали с тобой этот вопрос! Мы с Энни семья, и точка! И вы, дети, примите это уже, наконец, и прекратите нас мучить!

– Хотите жить – живите! Мне до вас дела нет! Но в моей машине есть только одно место, и обычно его занимает моя Мелания! Я не вижу ни одной веской причины менять свои привычки и правила!

Моя Мелания… Звучит так, будто он жениться собрался. Козёл. Забавно будет, если эта его Мелания случайно найдёт нашу салфетку из Starbucks.

Да, я выбросила её, но потом спасла и сохранила. Не знаю, зачем! Не знаю…

– Дамиен, пожалуйста, не обижайся! Конечно, мы что-нибудь придумаем, и наши просьбы никак не должны мешать вашим с Мел отношениям! Она такая замечательная девочка у тебя! – это мягкий голос матери. – Просто для нас с отцом очень важно, чтобы вы с Евой нашли, наконец, общий язык. И поэтому мы стараемся, как можем, вас сблизить.

– Не вижу в этом необходимости. Лично мне это не нужно, как и услуги извозчика не входят в мои обязанности, ясно вам? Будете давить – сниму квартиру, потому что жить в этом доме с каждым днём все невыносимее! – выплёвывает и ставит точку нервным хлопком двери.

За завтраком на кухне царит тяжёлая тишина. Каждый из оставшихся членов «семьи» лихорадочно ищет собственный способ притвориться занятым, чтобы не нужно было говорить.

Наконец, Дэвид сдаётся первым:

– Ева, после обеда я свободен, заберу тебя из школы, нам нужно решить один вопрос.

– Какой?

– Вопрос твоей мобильности.

– Проездной купишь?

– Зачем же проездной? Выберем машину. Подходящую, – улыбается.

– Спасибо, не нужно.

– Как раз, очень нужно: школа от нас далеко, да и остановка автобусная тоже не близко. Хорошо, если ты днём передвигаешься, а что, если ночью? Опасно!

– Разве Ванкувер не один из самых безопасных городов на планете?

– Любой город только относительно безопасен, Ева. Риски есть всегда, и мой долг как твоего…– Дэвид внезапно умолкает, не сумев найти подходящее слово.

– Моего кого? – уточняю.

И он, наконец, находится:

– Сейчас я – в некотором роде, твой родитель и несу за тебя полную ответственность.

Ага, прародитель, блин.

– Я освобождаю тебя от всякой ответственности, Дэвид. Не насилуй себя, не взваливай на свои плечи чужой груз! Не стоит!

Он расстроен. Огорчён даже. И мне на мгновение становится стыдно и жаль своих слов. Ну а как же ты хотел Дэвид? Ты пришёл на замену моему отцу спустя сколько? Два месяца? Или, может быть, это случилось горааздо раньше? За год до его смерти? За два? Моя мать вечно моталась в этот город, насколько я помню, и только когда отец заболел, её отъезды стали редкими, но никогда не прекращались совсем. Дэвид, скорее всего, хороший человек, и, воз-

можно даже, великолепный муж для моей матери, но для меня он всегда будет оставаться чужаком, подлым интервентом. А мать – предательницей.

– Дэвид! Но ты ведь не дал денег Дамиену в своё время, ты их одолжил ему, – мать силится придать своему тону максимум мягкости и спокойствия.

– Дамиен парень, это совсем другая история, – отвечает Дэвид, не отрывая глаз от газеты.

Мать набирает воздух в лёгкие и, наверное, чётко считав ненависть в моих глазах, задерживает дыхание, запустив весь свой мыслительный потенциал на полную мощность, дабы найти именно те правильные слова, которые не вызовут шквал моего негодования в её адрес.

– Дэвид, – обращается к мужу, а смотрит на меня, – такой шаг может посеять новое зерно раздора между ними. Несправедливость – самая частая причина во взаимной нелюбви детей друг к другу!

Дэвид поднимает на неё глаза, и он явно удивлён:

– Серьёзно?

– Абсолютно. Именно это столько раз подчёркивал семейный консультант на наших сеансах…

– А вы консультируетесь? – не выдерживаю и даже не пытаюсь скрыть иронию в своём тоне.

– Только по проблемам воспитания. Мы не смогли достигнуть понимания, когда вы были детьми, и теперь, имея последний шанс, мы с Дэвидом решили не рисковать и заручиться поддержкой специалиста, но, как видишь, отец…

– Дэвид мне не отец! – взрываюсь и даже вскакиваю со стула.

И чётко вижу, как жёстко хлестнули мои слова самого Дэвида. Мне даже показалось, что под линзами его очков блеснули неожиданной влагой глаза.

Я не хотела его обижать, но какого чёрта? Какой он мне отец? Когда был им? Зачем он мне? Для чего? И я бы никогда! Вы слышите меня? Никогда бы не приехала в этот идиотский лягушачий город по своей воле! Ни-ко-гда!

Глава 5. Первый день в школе

GOVS 6teenDREam

Только в столовой становится очевидным, что сегодня я единственная, кто явился в школу в платье – все остальные девушки в джинсах, тёмных леггинсах или спортивных трикотажных штанах.

Дамиен развалился на металлическом стуле за одним из столиков в компании других парней и девушек. Все они, включая моего так называемого брата, смотрят на меня, и у большинства похабные мысли отпечатаны на тупых мордах, изображающих ухмылки. Я отворачиваюсь и спустя пару секунд слышу «благородное» лошадиное ржание.

Неприятно. Я не привыкла к подобному: обычно молодые люди смотрят на меня совершенно иначе, и если смеются, то исключительно стараясь МЕНЯ рассмешить. Мне абсолютно очевидно, что Дамиен уже «поработал», настроив одноклассников против меня, включая даже парней.

Сажусь за один из свободных столиков и, наслаждаясь одиночеством, свободным пространством и относительной тишиной, неспешно уминаю свой зелёный салат. Забавно, но мои глаза, куда бы я их ни приткнула, так или иначе, возвращаются к Дамиену. Конечно, я не узнала его не потому, что он вырос и возмужал – черты лица ведь остались прежними. Дамиен стал другим внутри: взрослым, разумным, спокойным. Там, в уютном кафе аэропорта на меня смотрел мужчина, и узнать в этом взгляде докучливого мальчишку было практически невозможно.

Когда попадаешь в новую школу в двенадцатом классе, ты обречён быть изгоем, если не до самого конца, то первые месяцы точно. Но мне повезло: у меня сразу же нашёлся проводник в социум – Либби.

На большой обеденный перерыв, именуемый ланч-брэйком, в канадской школе отведено аж сорок минут. За это время я успеваю съесть свой ланч, исследовать глазами столовую, определив кто с кем общается, дружит, встречается, и познакомиться со светловолосой Либби.

Если говорить откровенно, Либби фактически навязала мне своё общество, усевшись рядом, вопреки моим недовольным взглядам. Не то, чтобы я была глупа и не осознавала пользу и роль друзей в любом новом месте, меня, скорее, насторожила и оттолкнула её наглость. Но очень скоро Либби удалось всерьёз меня заинтересовать.

– Смотри, вон Дамиен. Видишь?

– Вижу.

– Этот… самый-самый из всех! – томно закатывает глаза. – В него половина школы влюблена, а другая половина мечтает числиться в друзьях. Жёсткий, но справедливый. Он ещё с девятого класса в лидеры выбился, а в одиннадцатом, когда впервые на своём Мустанге выиграл гонку у Ролли корейца, так вообще… самым популярным стал. Красавчик… да и просто классный он. Только бабу себе выбрал сучьей породы.

– Да?!

Одно слово в знак интереса, и моя собеседница уже готова выложить всю подноготную братца.

– Да! Мелания – итальянка-полукровка, балерина и танцовщица. Сука редкостная: увидишь, сама поймёшь.

– Не думаю, что мне это интересно.

– Поверь, когда эта звезда появится, не заметить её ты не сможешь.

– И давно Дамиен с ней?

– О! А ты шустрая, я смотрю. Уже и имя его запомнила! – смеётся. – Советую расслабиться, потому что, как я уже говорила, желающих рой, и хоть ты и симпатичная, но сучку

эту… не потянешь, – констатирует, оценивающе прищёлкнув языком. – Без обид: у них там серьёзно всё вроде, он ночует у неё, и всё такое.

– Серьёзно? – и я – само безразличие. – А что? Родители её итальянские не против? Проповедуют свободные нравы?

– Из родителей у неё только отец, но и того вечно дома нет – вот они и отрываются вместе с братом. Вечеринки без конца, правда, только для избранных, секс, травка, бывает и погорячее. Но Дамиен, говорят, только курит. Умный он, этого не отнять.

– А разве балерины не соблюдают диету? Режим?

– Да какая она балерина! Так, понты одни. На шесте этой балерине место. Танцует она где-то, но несерьёзно, больше для удовольствия и имиджа.

Я вопросов больше не задаю, но Либби не унимается:

– Дамиен в вопросах любви всегда был неприступным, осторожным. С девчонками встречался, но так… – приторно лыбится, – никому ничего не обещал. Ну, обычное дело – им же всем поголовно только секс подавай. Но эта только появилась в школе полгода назад, как они тут же снюхались. Она сразу его выделила, рядом села, мило так улыбалась, за плечи обнимала, в глаза ему заглядывала.

Не выдерживаю – хмыкаю, посмеиваясь.

– Да, тошнило всех! – соглашается новоявленная подруга. – Кроме самого Дамиена.

Либби бросает очередной долгий взгляд на Дамиена, и я легко считываю в нём почти слепое обожание.

– И Роузи она выжила по щелчку своих пальцев, – добавляет.

– Роузи?

– Да, была такая. Ничего особенного в целом, но красотка. Чуть на тебя, кстати, похожа. Дам потрахивал её иногда, а она рисовала себе вечное будущее рядом с ним.

– Покажи её! – прошу.

– А нету! Перевелась она в Доктора Байдена в Кокуитламе. Говорят, сбежала из-за всей этой истории с Дамом и его серьёзным отношением к своей Мелании. Похоже на правду…

Внезапно я её вижу: высокая, статная, вытянутая струной. Она не идёт, она шествует, модельно выбрасывая вперёд длинные ноги в светлых, почти белых джинсах, эффектно обтягивающих её ни разу не костлявую задницу. Её лицо сошло к нам, грешным, с обложки журнала: идеальная кожа, нос – моя концентрированная зависть, глаза цвета аквамарин и брови, взлетающие к вискам так, словно вопят: «я эксклюзивна!».

– Да! А я говорила! – констатирует подруга, с улыбкой изучая моё лицо.

А на нём – то ли шок, то ли абсолют зависти. Как ни крути, но рядом с этой королевой ты обречён быть только пешкой и ничем более. Ну, разве что, её ездовым конем, но это не обо мне.

У Дамиена на щеке, ближе к уху, есть родинка, не большая, но и не маленькая, тёмная, скорее круглая, нежели продолговатой формы. В детстве она бесила меня, и я, не гнушаясь быть гадкой, часто называла её птичьей какашкой:

– На тебя даже птицы срут так, что не отмывается! – не раз было ему сказано в пылу словесной перепалки.

– Вякнула гусеница с птичьими ногами! – отвечал он. – Что это за две нитки торчат из твоих шорт?

Да, у меня были худые ноги. Страшно худые, с торчащими коленками и голубыми прожилками вен на их сгибах. Дамиен называл меня жертвой Бухенвальда; надо отдать должное – он знал многие вещи и до безумия любил историю и Discovery Channel. И я снова ненавидела его, потому что этот подонок умудрился очаровать своими познаниями всех подружек на моём двенадцатом Дне Рождения и не только стать центром их внимания, но и уговорить заняться тем, что я терпеть не могла – играть в бутылочку. Наблюдать за тем, как каждая из предательниц млеет в его присутствии и молится, чтобы бутылочка выбрала именно её, было

тошно до рвотных позывов. Но фортуна никогда не была на моей стороне, и чёртово стекло чаще всего показывало именно меня, а этот урод, разумеется, корчил рожу в блевотном приступе и пропускал ход. Тогда же он сказал при всех, что лучше проиграет, чем прикоснётся ко мне, а проигрывать он не любил настолько, что почти никогда этого не делал.

И я вмазала ему. Ногой в челюсть. Со всей своей дури, а её у меня – хоть отбавляй. Меня наказали в собственный День Рождения, заперев в комнате, а мои гости и сводный брат ещё долго развлекались на заднем дворе. Жарили барбекю с моим любимым клубничным соусом и ели мой именинный торт. Помню, мама принесла мне поесть этого добра в комнату, и мою дверь навсегда украсила выбоина от влетевшей в неё миски.

Судорожно глотаю своё шоколадное молоко и снова поднимаю глаза в известном направлении, но лучше бы я этого не делала. Королевы никогда не позволяют себе ни обыденности, ни банальщины: она подходит к Дамиену с грацией лани на выгоне, и исполняет то, отчего в моём животе завязывается тугой узел – вызывающе эротично облизывает родинку на его щеке. Да, ту самую.

– Сссука… – разрождается, наконец, Либби.

Мы не понравились друг другу с первого взгляда, с первого ЕГО взгляда. Дамиен имел неосторожность взглянуть на меня в тот момент, когда ОНА любила его своим взором. Именно любила, потому что смотрела на него так, словно вокруг не существовало ни единой живой души, и они не сидели на металлических стульях гудящей школьной столовой, а валялись среди цветов на огромной поляне, где кроме них – никого.

Наверное, его глаза задержались на мне слишком долго, а может это была пресловутая женская интуиция, но она повернула голову вслед за его взглядом, чтобы увидеть меня. И мы узнали друг друга: каждой из нас всё было понятно без слов – мы схлестнёмся, причём не на жизнь, а на смерть.

Дальше был урок французского. Жестокий урок.

Глава 6. Пакт о нападении

Sigrid – High Five

Миссис Вера Чанг, канадка азиатского происхождения (китайского, как выяснилось позднее), возможно, и знала свой предмет, но совершенно не умела управляться с дерзкими старшеклассницами.

Высокая, красивая и тонкая, как тростинка, очень похожая на актрису, сыгравшую роль гейши в одноимённом кино, была одета до безобразия безвкусно и неопрятно: измятая юбка в пол, индейский кожаный ремень с перьями на поясе и два канадских флажка, воткнутых в небрежный узел волос на её голове. Ну разумеется, её вид не вызывал восторга у острых на язык учеников, особенно у Мелании. Она не шутила по поводу облика преподавателя, она язвила, щедро забрызгивая ядом всех вокруг. И класс поддерживал её вирусным перехохатыванием.

Миссис Чанг, возможно, даже догадывалась, что парни и девочки до слёз смеются над ней, но стойко не подавала виду. Конфликт стал проявляться после того, как учительница объявила задание: три абзаца на тему «Как я провёл лето». Хочу сказать, я не учитель, но даже мне в мои восемнадцать совершенно была очевидна некая скудоумность заданной темы. Я бы предложила что-то вроде: «Вы не поверите в то, что случилось со мной этим летом». Всем остальным тема не понравилась даже больше, чем мне, по классу поползло негодование вперемешку с ехидным смехом, и знакомый женский голос известил присутствующих, что его хозяйка не имеет желания выполнять задания для дебилов.

Мелания и её свита толстопопых подружек демонстративно снялись со своих мест и выползли из класса, чтобы развалиться в креслах для отдыха напротив администрации. Королева бойкота раскрыла на коленях свой ноутбук и, скорчив рожу, сообщила призывающей к порядку миссис Чанг, что намеревается выполнять задание в коридоре. Их препирательства заняли большую часть урока и закончились тем, что всегда улыбчивый директор школы буквально заставил Меланию вернуться в класс. Но это не было учительским триумфом, нет.

– Почему я должна тратить свою жизнь на выполнение бесплодных заданий от такого же бесплодного преподавателя? – возмутилась вслух Королева.

И это был, как я поняла дальше, удар ниже пояса – Миссис Чанг вылетела из класса, пряча свои слёзы.

– Они с мужем сделали уже пять искусственных оплодотворений, и всё без толку, – тихо разъясняет мне Либби.

– Мел, зачем ты так? Что ты так взъелась на неё? – интересуется чей-то голос.

Но Мел, на самом деле, взъелась вовсе не на учителя.

– Что с тобой сегодня? – допрашивает Меланию одна из подруг.

– ПМС, наверное, – с ехидной улыбочкой отвечает та.

А дальше был мой выход – никто не умеет так быстро настраивать социум против себя, как я. У меня в этом врождённый талант. Мега-способность.

Почистившая пёрышки миссис Чанг возвращается с просьбой показать готовые задания. Но никто их не выполнил, либо все присутствующие не желают выглядеть «бесплодными» в глазах Королевы.

Я не из тех, кто лезет на трибуны. Не из тех. Но краснеющие от обиды глаза китаянки Веры, преподающей французский язык, заставляют меня сделать то, что я даже и не хотела – встать и провозгласить:

– Моё лето прошло в самом прекрасном месте на Земле, чудесном, красивом, тёплом Брисбене, в Австралии…

С этого момента меня ненавидела уже не только девушка моего сводного брата, но и почти весь класс урождённых в Ванкувере. Ну, может быть, за исключением парочки таких же, как и я, иммигрантов.

Поиски класса по Английскому 12 закончились для меня плачевно: высокий смуглый парень неясной национальности скрутил мои руки в самом безлюдном и тёмном месте. На угрозы и просьбы отпустить он ответил немым молчанием, а вот Королева, внезапно вышедшая из-за угла, сразу обозначила мои перспективы:

– Обычно даже идиоты с первой секунды понимают, что со мной правильнее дружить. Что там, где я провела красную линию, лучше не ходить. Мои вещи брать нельзя, иначе размажу. И остановить меня уже будет невозможно.

– Хм, – ухмыляюсь, а у самой аж в пятках колет от азарта. – Надорваться не боишься?

– Было бы чем!

– Никогда не стоит недооценивать соперника. Особенно, если у него козырей больше, чем у тебя.

Мелания на секунду задумывается и, выгнув бровь, предлагает:

– Ну давай, рискни!

Вот так, война была объявлена официально.

Глава 7. Герой или дурак?

Taylor Swift – Delicate

Я вхожу в класс Английского 12 с опозданием, разминаю ноющие запястья. Дородная учительница останавливает меня на месте:

– О! Новое лицо в выпускном классе! Это прекрасно, дорогие мои, это прекрасно. Новое – это всегда к лучшему! Но в мой класс опаздывать нельзя. Мисс Марпл, для всех учеников просто Стелла, – протягивает мне руку.

– Стелла, это как в «Больших надеждах»?

Её лицо расплывается в довольной улыбке:

– Именно! Меня назвали этим именем в честь любимой книги матери, и это как раз были «Большие надежды!».

– А меня назвали в честь Библии! – заявляю, хотя это совершеннейшее враньё.

Надо, кстати, спросить у матери, почему именно «Ева»?

Кто-то ржёт, как всегда без объективной причины, а я успеваю заметить напряжённый взгляд Дамиена: он выглядит так, словно его голова готова разорваться от неумещающихся в ней мыслей и идей. А взгляд его на моих бордовых запястьях.

Я ищу глазами свободное место, и, следуя давней привычке, нахожу именно то, что нужно – дальний левый угол класса, уютное уединение, полнейший покой, в котором можно беспрепятственно погрузиться в себя и не беспокоиться о формальностях.

– Ева! Это слишком далеко! – слышу голос Стеллы. – Пересядь поближе, пожалуйста!

– А свободных мест больше нет! – и я совершенно права.

– Как это нет? Ну вот же, смотри, около Дамиена, например! Давай-ка побыстрее!

Мисс Бестактность хватает мои тетради и услужливо водружает на правую часть стола Дамиена, так что я вынуждена удовлетворить её настойчивость и оказаться между злым, как чёрт, братом и его дружком Роном. Последний скалится, глядя на меня, как саблезубый тигр, предвкушая сытый обед.

Рона совсем не узнать: когда-то был белобрысым и беззубым, теперь же вырос в татуированного борова с бритой головой. Ну, волос у него нет только по бокам, а вот на макушке – грива, собранная в хвост. Что за мода? Он бы ещё бороду себе отрастил.

Дамиен, нервно сдвинув брови, погружается в чтение нетолстой книженции цвета гнилой вишни. Точно такая же книга всего пару минут спустя ложится прямо передо мной на голубоватую краску видавшего виды школьного стола:

– Сегодня, Ева, мы читаем рассказ Эрнандо Тейеса «Пепел для ветра». Встречала его раньше?

– Нет…

– Ну, вот и замечательно. Читая, постарайтесь, дорогие мои, ответить на два вопроса: в чём состоит центральный конфликт истории, и кто, по-вашему, главный персонаж: дурак или герой?

Разворачиваю книгу, читаю, делая пометки на отдельном листе. Закончив, принимаюсь за своё обычное дело – маковые заросли. Рисование маков – самая неистребимая из всех моих привычек, эти алые цветы повсюду: на полях и обложках тетрадей, на закладках учебников, в записных книжках, блокнотах и бесконечных клочках бумаги. У меня семь оттенков красного, каждый фломастер стоимостью чуть меньше десяти долларов. И я играю переливами, штрихами, толщиной грифеля. Пара карих любопытных глаз, конечно же, наблюдает за этим.

– Что случилось? – слышу тихий вопрос от Дамиена.

– Ничего.

– Почему руки в синяках?

– Не преувеличивай. Всего пару пятен.

– Кто?

– Добрый друг, заботящийся о порядке в социуме.

Я слышу, как он дышит: часто и громко. Не знаю, что именно означает это дыхание, но хочется, очень хочется, чтобы ему захотелось защитить меня. До щекотки в животе хочется.

Рассказ, объёмом в три страницы, излагает печальную историю о том, как некий Хуан, бедный житель Кубинской деревни, под давлением местных властей в лице продажного шерифа отказывается покинуть свой дом и уйти в никуда с женой и новорожденным. Подоплёка всей истории – прошедшие накануне выборы в местную власть, где Хуан Мартинез, почти нищий крестьянин, отдал свой голос за близкую ему по духу и интересам (социалистическую) партию. Пришедшие выдворять непокорного поджигают убогий деревянный дом, где закрылся Хуан месте с женой и пятимесячным сыном. Автор подчёркивает драматизм истории фразой «каждый сделал то, что должен был».

Мне до ужаса жаль бедную семью, а особенно мальчика, игравшего с шеей матери и пахнувшего нестиранными подгузниками. Моргаю часто-часто, чтобы скрыть накатившую слезу, поскольку всем своим существом чувствую, что мисс Любопытство вот-вот озадачит меня вопросом:

– В чём конфликт, Ева? Я вижу, что ты закончила.

– Конфликт в разумности принятого центральным персонажем решения, – отвечаю.

– Так-так, и что же ты думаешь на этот счёт?

– Я думаю, что разумность искажается той системой координат, в которую помещена.

Ей определённо нравится моя манера излагать свои мысли. Да, Стелла, я много читаю и дружу с языком, но не всегда с головой.

– Если рассуждать с позиции просто человека, мужа и отца, то Хуан определённо не прав. Но, с другой стороны, если каждый будет прогибаться под обстоятельства и требования более сильных, мир никогда не увидит справедливости и правды. Возможно, Хуан хотел привлечь своим поступком многих к проблеме бесправия простого человека, произвола тех, кто у власти. С этой позиции он поступил единственно возможно – пожертвовал своей семьёй во имя бедных и бесправных.

Класс погружён в такую кристальную тишину, что даже слышно, как у кого-то урчит в животе. И как демонстративно фыркнул в конце моей речи сосед по парте.

Стелла не могла не заметить его желания высказаться:

– Дамиен, закончил?

– Закончил.

– Ну и что же ты думаешь? Хуан – герой?

Дамиен кривится в усмешке:

– Как по мне, так он не просто дурак, а полный кретин.

Брови Стеллы взлетают:

– Объяснись!

– А что тут объяснять? Гражданский долг? Социальная справедливость? Это всё пыль, в сравнении с долгом мужчины. Мужчина создан для того, чтобы защищать своих детей и свою женщину. А этот недоумок сжёг пятимесячного сына и жену. Он не просто не мог достойно их прокормить и дать семье необходимый минимум, но и заплатил их жизнями за свои идеи. Я считаю, что за идею можно отдавать только свою жизнь, но никак не жизнь пятимесячного младенца, который не в состоянии принимать самостоятельные решения и полностью зависит от тех, кто его произвёл на свет. Это подло. И тупо. Элементарно тупо!

Мне кажется, его глаза вот-вот вылезут из орбит. Я знаю, как сильно Дамиен умеет ненавидеть, и сейчас его ненависть сфокусирована на несчастном Хуане – малообразованном кубинском крестьянине.

Лицо Рона впервые в жизни серьёзно, Стелла это замечает и спешит воспользоваться удачей:

– Рон, а ты что думаешь?

– Дамиен всё сказал – мне нечего добавить.

– Значит, дурак?

– Полный, – сказал, будто выплюнул.

– Остальные? – обращается к замершему в раздумьях классу.

Все в один голос выносят вердикт «Дурак», хотя больше половины присутствующих не обременили себя чтением трёх страниц.

– Выходит, только Ева считает Хуана героем?

Дамиен нервно хмыкает.

Я бы хотела сейчас заметить, что не высказывала чёткой позиции, а лишь обозначила аргументы каждой системы координат, но мне до чёртиков нравится быть против всех: наверное, моя странноватая сущность питается чужими отрицательными эмоциями. И да, я всё так же, как и раньше, каждый день надеваю платья. Мне уже холодно в них, но я упорно мозолю глаза публике своей нетривиальностью и получаю от этого просто невыразимое удовольствие!

Ехидно улыбаюсь:

– Да, именно так!

Дамиен с грохотом роняет свою увесистую ручку на пол. Рон шумно выдыхает, и я слышу отчётливое «сучка», эхом прокатившееся по классу.

Глава 8. О слабостях

Niia – BODY

Противостояние с братом приняло неожиданные формы: теперь мы воюем по-взрослому – демонстративным игнором и молчанием.

В первые дни после приезда наши равнодушные друг к другу тела всё так же вынужденно пересекаются в общей кухне-столовой по утрам, но спустя неделю Дамиен полностью исчезает из моего поля зрения.

– А что, Дамиен здесь больше не живёт? – спрашиваю у Дэвида.

– Живёт, он просто много работает, – отвечает мать.

– Или хочет окончательно вывести меня из себя! – честность просачивается сквозь стиснутые зубы отчима.

Я невольно улыбаюсь и даже чуточку уважаю Дэвида в это утро. Люблю честных людей, искренних.

– И где же он так усердно работает? – интересуюсь у матери.

– По будням – в гараже при автомастерской, в выходные – бармен в Виктории.

– В Виктории? На острове что ли?

Виктория – столица Британской Колумбии, город, расположенный на острове. Плыть туда нужно на пароме, и вместе с Ванкуверскими пробками весь путь занял бы 2-3 часа!

– Это бар такой в Даунтауне, стилизованный под Викторию. Красиво там, интересно. На стенах старинные фото и современные…

– Обычный кабак, только для мажоров, – вставляет Дэвид, нервно поправляя очки.

– Ты несправедлив к нему! Ты опять несправедлив, Дэвид! Мальчик старается, работает, идёт к своей цели, а ты снова недоволен!

– К какой цели? – интересуюсь.

Искренне. Не думала, что у Нарциссов бывают цели.

– Дамиен мечтает открыть свой ресторан! Представляешь, какой молодец! Летом хочет поехать в Италию в гастрономический тур, обещал привезти рецепт самого вкусного в мире мороженого, – сообщает мать не без гордости.

– Кому обещал?

Неужели они стали настолько близки?

– Мелании, своей девушке. Тебе нужно обязательно с ней познакомиться, Ева! Потрясающая личность, такая красивая – глаз не оторвать. А танцует как! А поёт! И учится хорошо, – последнее с упрёком.

Ну да, я не гений в науке. Но танцую. Четыре года отучилась в школе современных танцев.

Далее следует то, что удивит меня:

– Ева танцует намного лучше, талантливее. Мелания всего лишь повторяет заученные движения, в её танцах нет души, как и в пении, – сообщает Дэвид, переворачивая страницу в своей газете.

– Пфф… – нервно выдыхает мать.

– Ты даже не в курсе, что твоя дочь танцует, не так ли? – он поднимает глаза на мать.

И она подвисает, мечась взглядом между мной и Дэвидом.

– Почему ты никогда мне об этом не говорила? – тут же находит виноватого в своём безразличии.

– Ты не спрашивала, – отвечаю.

Мать поджимает губы и отворачивается, Дэвид нервно ёрзает в своём кресле, скрещивая ноги и покашливая. Явно сожалеет, что упрекнул мать при мне. И я догадываюсь, что между ними есть некоторые разногласия по поводу нас с Дамиеном.

– Просто я очень, очень сильно злилась на тебя, Ева. Столько времени прошло… а я до сих пор не понимаю, как ты могла ТАКОЕ сотворить! Доктор сказал, что если бы удар пришёлся на несколько миллиметров левее, Дамиен бы умер! – выдыхает.

– Ну хватит! Он тоже не был невинным ягнёнком. Они оба виноваты в том, что произошло! – газета летит в сторону. – Мы же решили сфокусироваться на том, чтобы сплотить семью, к чему теперь все эти обвинения?

– Да, ты прав, конечно, Дэйв. Ты прав.

Мать смотрит на меня глазами, полными слёз:

– Не будем вспоминать, что было, сосредоточимся на том, что будет! – выдавливает улыбку.

Load up on guns – nbspl

Вечером я закрываюсь в своей комнате, пытаясь заняться математикой. Мне срочно нужно улучшить свои отметки, если хочу вырваться из проклятого «семейного» дома и уехать в колледж. Любой. Мне всё равно, по большому счёту, где учиться, и что изучать, главное – поскорее отсюда убраться.

Внезапно слышу негромкий стук в дверь и вопрос:

– Можно войти?

– Входи, – разрешаю, пару мгновений спустя.

Дамиен словно впервые в жизни неспешно обводит глазами синие стены своей бывшей комнаты, сосредоточенно рассматривая более яркие пятна, оставшиеся после того, как кто-то, или же он сам, снял висевшие когда-то плакаты популярных рок-групп и постеров на тему «Звёздных войн». У меня складывается впечатление, что он оттягивает как можно дольше неизбежное – столкновение с моим взглядом. Наконец, это происходит.

– Освоилась? – спрашивает, скорее для проформы, нежели действительно желая узнать, как обстоят мои дела.

– Да, спасибо.

– Я хочу попросить тебя, – сразу переходит к делу, – вернуть салфетку с моим номером. Ты ведь уже…

Он не знает, как закончить мысль, и я опрометчиво ему помогаю:

– Нет. Зачем мне номер, по которому не собираюсь звонить?

Его брови взлетают, а я продолжаю:

– По поводу салфетки: что упало, то пропало!

И добавляю с ехидством:

– Извини!

Он понимает намёк, хватает на лету:

– Ева, – произносит с нажимом на «Е», – эта девушка мне очень дорога. Она первая, с кем у меня возникло желание вообще иметь отношения.

– Тогда зачем совершать кобелиные реверансы?

– Это был просто флирт… – и он даже улыбается. – Невинный флирт!

Я долго не могу отвести взгляд от его физиономии. На секунду жалею о том, что так понравившийся мне парень оказался Дамиеном. Теперь очень трудно спорить с собой, отрицая, насколько он сексуален, как прожигает его тёмный взгляд, как влечёт изгиб губ. Но Дамиен, к счастью, не умеет читать мысли и принимает мою задумчивость на свой счёт:

– Считаешь, у меня слабость к женщинам?

– Мне плевать! – сообщаю, не задумываясь. – Салфетку свою ищи в мусорках в аэропорту. Я уже не помню, в какую именно её швырнула.

– Окей, – поджимает он губы.

Дамиен выходит не сразу, задерживается ещё на пару мгновений, словно раздумывая о чём-то. Затем резко разворачивается и, не говоря ни слова, исчезает за дверью так же неожиданно, как и вошёл.

Глава 9. Азы соблазнения

Michael Kiwanuka – Love & Hate
The xx – I Dare You

Первая сентябрьская пятница проходит вполне спокойно, не считая ядовитых взглядов в мой адрес со стороны «Мелании и Ко», нарочито громкого смеха всякий раз, когда мы сталкиваемся в коридорах школы, и парочки тупых шуточек по поводу моего платья на уроке математики.

Во время ланча Либби без остановки причитает о том, что Дамиен «облизывает свою сучку так усердно, как никогда». Я сижу спиной к их столику, поэтому счастлива пропустить представление, тянущее за нити, давно похороненные в детстве.

После просьбы Либби «Ева, а можно к тебе домой?» до меня доходит, что подруга уже в курсе нашего с Дамиеном «семейного положения».

– Зачем? – интересуюсь.

– Посмотрю, где и как ты живёшь.

– И если тебе не понравится?

– Больше не приду! – подмигивает.

– Окей, – говорю, – но Дамиена дома не бывает. По крайней мере, я его не вижу.

Либби не дура, и меня это привлекает. И у неё, похоже, имеется аналогичное мнение на мой счёт:

– Знаешь, а ты мне нравишься. Меня всегда тянуло к умным. От этих толстопопых дур уже тошнит. Думаю, мы с тобой споёмся! – прогнозирует.

И если бы мы были сейчас в баре, а не в школе, она запила бы это монументальное постановление о нашей начавшейся дружбе любым доступным алкоголем. Если бы ей его продали, конечно, потому что русая блондинка Либби родом из Манчестера визуально на свои восемнадцать никак не тянет.

Но тем, кто упорно бьётся в одну точку, Провиденье выдаёт подарки.

О том, что Дамиен незапланированно дома, я поняла по лежащим на барной стойке ключам от его Мустанга Шелби и сотовому телефону. Никогда ещё до этого момента он не забывал своих вещей на общей территории, и самым первым его жестом после завтрака всегда было быстрое ловкое сметание их со стола: ключи, бумажник, телефон.

И вот они на столе – прямо перед моим носом.

– Он дома, – делает тот же вывод Либби.

– Похоже, – отзываюсь. – Кофе, чай, погорячее?

– А у тебя есть? – в её глазах уже почти нездоровый блеск, и на меня накатывает волна возбуждения в предвкушении шоу или, как минимум, развлечения.

Ради такого случая я готова даже взять на себя ответственность за несанкционированный набег на бар Дэвида. Наливаю ей виски с содовой, себе содовую с виски – представление лучше смотреть на трезвую голову.

Ждать пришлось недолго: телефон братца зазвонил минут двадцать спустя, что можно считать неудачей – Либби элементарно не успела дойти до кондиции. Экран телефона высветил посылающее воздушный поцелуй фото Королевишны. Пухлые розовые губы, собранные в вульгарное сердечко, заставили мою компаньоншу подавиться лимоном.

Дамиен летел с лестницы как ненормальный – быстро и с грохотом перескакивая ступеньки.

И он был… голым.

Ну, почти: белое полотенце с голубыми вензелями и именем *Damien* скрывало самое интересное. Но зрелище даже и с этим упущением открылось незабываемое – теперь мне

любезно был предоставлен шанс увидеть, насколько же, в действительности, изменился тот самый поганец Дамиен за последние шесть лет.

И он изменился. Настолько, что у ошалевшей Либби в буквальном смысле потекла слюна, и ей пришлось её сглотнуть, некрасиво при этом булькнув.

Конечно, виновник нашего эстетического экстаза всё заметил и абсолютно всё понял: его самодовольная, но при этом едва заметная ухмылка не оставляла сомнений.

– Привет, – промурлыкал змей-искуситель моей подружке. – Ты …

– Либби, – подсказывает она, с трудом оторвав взгляд от его груди.

До этого момента я понятия не имела, что поросль на мужском теле имеет для меня какое-либо значение. Как и вид пресса. Ну вот, что может быть красивого в животе? Или бицепсах? Ну руки и руки – такие же нужные части тела, как и ноги! Но нет же, на этот раз всё иначе, и я даже не знаю, кого сильнее придавило: подругу или меня.

Дамиен чего-то нам обеим желал, кажется, приятного чаепития, но я не уверена.

– Что он сказал? – спрашивает Либби, как только спина с татуировкой между лопаток скрывается из нашего вида.

– Что ты хорошо выглядишь, – отвечаю, отчаянно стараясь вынырнуть из гипноза.

– Серьёзно?

– Угу. Ещё будешь?

– Давай.

Зато я услышала совершенно обычное телефонное «да». «Зато» – потому что это не было «да, любимая» или «да, солнышко», ну, или хотя бы просто «привет», который как ни крути лучше безликого «да».

Через полчаса алкоголь достигает места назначения, и Либби пытается принять судьбоносное решение:

– Что, если я сейчас поднимусь к нему?

– Он трахнет тебя, – предполагаю.

– Думаешь?

– Не сомневаюсь.

– Сучке это не понравится.

– Вряд ли ты обязана ставить её в известность.

– Слышала, что она пела вчера в раздевалке?

– Нет, – вру.

– Что он может семь раз подряд.

– А тебе это нужно?

– Мне нужно 777 раз подряд. По крайней мере, последние два года я чувствую себя именно так.

– Здесь важно не количество, а качество, – делаю предположение.

– Нет, ты точно не была вчера в раздевалке.

– Да? И что же я пропустила?

– Много чего. Эта сука сказала, что из всех мужиков, какие у неё были, небо в алмазах показал только Дамиен. Но главное не это, –на её лице вселенская тоска.

– И что же главное?

– Она поклялась, что выйдет за него замуж. И…

– И?

– И любое препятствие, которое рискнёт встать у неё на пути, раздавит.

Спустя мгновение добавляет:

– Проверим?

В этот момент мне становится очевидным, что мы с Либби определённо споёмся.

– Надо снять это на видео, – внезапно выдаёт.

– Зачем?

– Интересно посмотреть, как выглядят суки со съехавшей короной.

– Жестоко, – признаюсь. – Считаю, он должен об этом знать.

– Пожелай мне удачи.

– Удачи.

Либби поднимается: она не пьяная, нет, но походка не совсем уверенная – самая подходящая кондиция для задуманного.

Я наливаю себе виски без содовой и обжигаю горло. Горечь, жар и кратковременное ощущение удушья не помогают подавить гаденькое чувство, родившееся совсем недавно и так больно колющее меня изнутри – ревность.

Это ведь мой Дамиен. Мой подлый, гадкий, отвратительный сводный брат. Какого чёрта он теперь такой красивый? Почему перед глазами до сих пор стоит его кожа, эротично облепленная каплями воды, как в рекламе водки? Чёртова голая грудь, мышцы, плечи, ключицы? И почему мерзкие кошки десятками крутятся около него, трутся, ластятся и облизывают родинку, похожую на птичью какашку? Это же просто родинка на мужской щеке. Цвета тёмного шоколада. Секси. И я, кажется, теперь тоже хочу её облизать…

Глава 10. Кому горяченького?

Billie Eilish – Bored

Либби спускается через две минуты сорок пять секунд.

– Так быстро? – интересуюсь, всеми силами пытаясь сдержать почти истерический смех.

– Налей ещё. Без содовой.

Я наполняю треть её бокала, она недовольно хмурится и, опрокинув в себя доступное, раскрывает причины своего фиаско:

– Он сказал, что не имеет слабости к женщинам.

– К кому же тогда? К мужчинам? – хохот скручивает меня на оливковом кухонном диванчике, сотрясая всё моё тело необычными приступами.

– Нет, не к мужчинам. К одной женщине: к той, которую любит.

Либби самостоятельно добавляет себе ещё, злостно попирая законы этикета, а я наблюдаю за ней и обдумываю собственную реакцию: мне больше не смешно. Совсем не смешно. Глубоко в груди саднит так, будто в неё вонзился метеорит, раскалённый скоростью падения до точки плавления твёрдых пород.

Наши нетрезвые мозги единодушно сходятся на идее просмотра «Красотки» с Ричардом Гиром. В тот самый момент, когда заплаканные физиономии наслаждаются кульминационным моментом, и Либби, всхлипывая, признаётся: «Дамиен смотрелся бы убедительнее в этой роли! Ну согласись, ведь твой брат в сто тысяч раз горячее этого Гира!», Дамиен спускается вниз, позвякивая увесистой связкой ключей в руке.

– Ну, в этом фильме, очевидно, требовалось нечто большее, нежели просто внешность. Ум, харизма, обаяние, например. Аристократичность…

Наши взгляды встречаются. Мой пьяный комментарий, похоже, попал в точку: в тёмных глазах брата металлическая обида. Мне даже слышен душераздирающий скрежет её трения по массивному ЭГО. Я демонстративно отворачиваюсь и снисходительной усмешкой подчёркиваю всю степень своего презрения.

Дверь за ним захлопывается, а Либби всё не унимается:

– Вот как? Скажи мне, как обычные джинсы и ещё более обычная белая футболка способны делать парня таким… таким…

– Божественным?

Либби поднимает в удивлении бровь.

– Просто помощь в подборе лексики, – отвечаю, не моргнув.

В нетрезвом состоянии играть роли горааздо легче, нежели в трезвом.

– Завтра гонка, поедешь?

– Чего я там не видела?

– Брата своего, например. Может, ценить его начнёшь.

Я обдумываю некоторое время этот странный выпад Либби в свой адрес, пока она печально смотрит на показывающий титры экран телевизора.

– А за что ценить? – решаюсь всё же уточнить.

– За то, что он лучший из лучших. И самое подходящее место, где это можно увидеть – Мишн.

– Это же далеко.

– Далековато, да. Но стоит того. Обычно парни развлекаются в Лэнгли, гоняют вокруг фермы за сто баксов в час. Дамиен там тренируется, это тоже весело, поверь, – её лицо светится

восхищением. – Но самое интересное – реальные гонки на самом большом треке в БС[1] – в Мишн. Там водятся большие деньги, и Дамиен теперь – часть системы.

– Я подумаю.

– Подумай хорошо. Завтра я заеду за тобой, ты же без тачки?

– Машина есть, лицензии пока нет. Я в процессе, – вспоминаю о своей новенькой Toyota Yaris, подаренной Дэвидом. Это, конечно, не тюнингованный Mustang GT, но зато совершенно бесплатно.

– Так я заеду? – не унимается Либби.

– Заезжай, – соглашаюсь неожиданно для себя самой.

SLO – Nothing Hurts Like This

Childish Gambino – Redbone

Утро субботы начинается с грохочущей в ушах музыки и яркого света, настырно протал-кивающего свои лучи сквозь двери моего балкона. Я выхожу на террасу и вижу на площадке перед домом Дамиена: в бейсболке козырьком назад, солнечных очках, неизменных чёрных джинсах и широком, свободно болтающемся на его бёдрах ремне. Сентябрь на дворе, а этот клоун раздет по пояс.

Он моет машину, старательно натирает губкой её глянцевую поверхность, перепачкав себя и свою «возлюбленную» пеной. Широкие плечи, руки, играющие мышцами при каждом движении, пресс и штаны, словно нарочно спущенные так, чтобы показать всё, что можно, не выходя за рамки приличий. Я даже не знаю, где он интереснее: в районе талии или со спины, где расположена татуировка. Рисунок с этого расстояния не разобрать, и поэтому я быстренько бегу в свою комнату, на ходу стараясь припомнить, насколько мощный zoom у камеры моего телефона.

Из окна видно хуже, чем с балкона, но зато безопаснее. Надёжно замаскировавшись в белом шифоне штор, я навожу камеру, ожидая удачного момента, чтобы сделать снимок.

Однако шоу наблюдаю не только я: в высоком сером доме напротив движение – на бал-коне приторно и вызывающе громко смеются две девицы. Лицо одной из них мне знакомо – видела в школе. Обе разглядывают моего братца, обмениваясь с ним сальными шуточками.

– Фото на память? – он резко поднимает голову и смотрит на меня. И эта его садистская пакостная ухмылка…

Глупо прятаться, ещё глупее делать вид, что меня у этого окна не было.

– Слишком много чести, – отвечаю. – Всего лишь хотела разглядеть, что за бред ты набил на затылке: с Либби вчера поспорили.

– Не на затылке, а на спине. Просто подойди и посмотри. Так не проще?

– Проще.

И я спускаюсь, подхожу. Смешливые барышни из дома напротив уже вовсю натирают пеной чёрный глянец Мустанга, давным-давно отмытого от любых микроскопических частиц пыли. А хозяин, как петух в курятнике, распустил свой хвост, щедро раздаривая улыбочки и комплименты помощницам.

– У тебя здорово выходит, Мэй… но попробуй двигаться ещё плавнее, – мурлычет мини-атюрной азиатке прямо в маленькое ушко.

Видела бы Мегера эту картину. Её прямые патлы завились бы в бараньи кудряшки от злости.

Заметив меня, Дамиен покидает свой курятник и медленно, нарочито не торопясь, при-ближается, чтобы развернуться спиной, вернее, тем местом, где у него татуировка.

– Так хорошо видно?

[1] Британская Колумбия.

В его тоне нет и тени игривости, бывшей в нём секунду назад. Его голос, предназначенный для меня – всегда смесь раздражения с презрением.

– Более чем, – отвечаю и задаюсь вопросом: «Зачем вышла? Ведь знаю же, хорошего от этого ушлёпка не дождусь никогда в жизни!».

Между его лопаток синевато-серой краской набит странноватый на вид треугольник. Ни имён, ни инициалов – только рисунок.

– Почему треугольник? – спрашиваю.

– Погугли, – отвечает.

Но мне, честно говоря, уже совершенно плевать на рисунок – спина, вся в волнах, как рифлёная доска, говорит только об одном: этот Нарцисс вкалывает в тренажёрке, не жалея живота своего. И всё ради чего? Азиатка и её подружка не отлепляют глаз от «тела», плотоядно облизывая каждую мышцу взглядами.

– Спасибо, что показал, – нет сил наблюдать за этими танцами перед случкой. Тошно.

– Не за что, удачи в споре, – отвечает и уходит.

И ни слова больше, каждый расходится по своим делам. Я – завтракать, Дамиен – трясти веером своих изумрудных перьев.

А дальше у меня утренний кофе с молоком и ложкой мраморного мороженого и представление: Дамиен поливает из шланга своих помощниц, заставляя их визжать и, смущаясь, отлеплять майки от откровенно торчащих грудей. Вижу, как тщательно, но при этом в ускоренном темпе он натирает полиролью сверкающую поверхность своей красивой машины, как восторженно трогает его бицепсы подружка Мэй, и, чёрт меня знает, почему я так легко запомнила её имя. А ещё я замечаю его быстрый, словно ненароком брошенный взгляд в сторону окна нашей столовой, где вполне предсказуемо могу быть и есть я, и полное отсутствие его интереса к уже практически голым в этих мокрых тряпках соседкам, потому что меня у того окна больше нет.

Тот быстрый взгляд запечатлелся в моей памяти и имел, помимо моей воли, контакт с чем-то глубоко внутри меня. И это был не разум, потому что Дамиен и моя сила мысли всегда находились по разные стороны баррикад. Но вот, то внутреннее, что не поддаётся контролю и никогда не слушает наших рациональных доводов, уже в тот день ясно поняло, что мы оба, и Дамиен, и я, находимся на пороге чего-то нового. Особенного. Огромного, необъятного. И внутри меня поселилось тянуще-щемящее ожидание: что будет дальше?

Гугл сказал, что треугольник на мужском теле может обозначать триединую природу мира (Земля, Небо, Человек); физическую и духовную силу, мудрость и красоту; либо попросту семью – мать, отца и ребёнка.

Глава 11. Гонки

Rompasso – Angetenar

Я надеваю свои самые узкие джинсы, в которых моя задница выглядит наиболее выгодно, а ноги кажутся длинными, и чёрную кожаную куртку, едва прикрывающую поясницу. Впервые за долгое время распускаю волосы, чтобы их крупные волны свободно легли на мои плечи и спину. Даже крашу ресницы и губы любимым маковым блеском.

– Охренеть… – приветствует подруга.

– И ты хорошо выглядишь, Либ. Привет, кстати.

Открываю дверь её жёлтого Фольксвагена, сажусь рядом с водительским сидением, хотя это место считается самым опасным с точки зрения вероятности летального исхода.

– Знаешь, когда я сказала, что ты её не потянешь – погорячилась! – не унимается подруга. – Нет, серьёзно. Тебя всего лишь нужно было привести в порядок, оказывается!

– Спасибо за комплимент.

Я пристёгиваю ремень, проверяя надёжность устройства.

– Едем? – её исследующий взгляд начинает меня нервировать.

– У тебя зачётная задница, и сиськи тоже есть, – констатирует Либби не без зависти.

– А у тебя их нет?

– Есть. Нулевого размера.

Её почти расстроенное лицо переключается на дорогу, она механически заводит машину, и наш Фольксваген резво снимается с места. И я завидую: безумно хочется научиться водить, чтобы ни от кого уже не зависеть.

Мы приезжаем в Мишн почти к самому началу гонки. Широкие трибуны переполнены людьми, платные стоянки – машинами. Либби долго кружит, пытаясь отыскать свободное парковочное место, но дело заканчивается маскировкой в кустах, что съедает ещё полчаса нашего времени. Первый заезд, а в нём как раз участвует Дамиен, мы пропускаем.

– Кто выиграл в первом? – орёт Либби на ухо долговязой девице с пирсингом во всём, во что его можно было воткнуть.

– Дам! – сообщает та, приложив немалые усилия, чтобы перекричать орущую музыку в стиле hard rock.

– Видишь?! – с гордостью восклицает Либби. – Я же говорила!

Дальше она, подобно танку, протискивается «к нашим», вещая разъярённым болельщикам: «Мы из команды Блэйда, опоздали, не могли паркинг найти!». И те, поскрипывая зубами, пропускают нас, узнавая, очевидно, в Либби завсегдатая группы поддержки Дамиена.

Спустя минут двадцать нам удаётся прорваться к трибунам со знакомыми лицами: здесь почти вся школа, все классы, не только двенадцатый и не только наше подразделение. Я вижу и одиннадцатиклассников, и учащихся в десятом. И Дамиена тоже вижу: он стоит, облокотившись на капот Мустанга, обклеенного тонкими красными полосами. Обычно для гонок клеят только две широкие белые полосы и только на капот.

– Смотри, как она машину его разукрасила, – Либби также замечает преображение. – В своём уникальном и неподражаемом стиле!

– Неплохо, мне нравится.

Подруга обжигает меня взором, потратив лишь пару секунд на убедительность своего послания, и сразу же возвращается к предмету обожания. А он, этот предмет, уже не один: его звезда рядом, он обнимает её за талию, пока репортёр делает положенные снимки для местной газеты «Metro Vancouver».

В тот момент, когда Мелания демонстрирует право собственности, подчёркнуто сексуально целуя победителя в губы, я замечаю устремлённый на себя взгляд. Острый, сверкающий

тонким лезвием мести. В детстве он делал ровно то же самое, только моя реакция была другой. Юной девочке не хватало ума скрывать то, как сильно бесят ранние поцелуи ещё почти детей. Теперь он уже не ребёнок, она ребёнком, скорее всего, никогда и не была, а мне совершенно всё равно. Я отворачиваюсь и рассматриваю болельщиков, разукрашенные машины других участников заезда, огни табло, показывающего скорость конкурсантов, очки команд. И силюсь унять неприятно покусывающие в груди ощущения.

Во втором заезде Дамиен снова приходит первым. Наша трибуна взрывается восторгами, визгами, растянутыми на живых распорках баннерами, дуделками, хлопушками и отборным счастливым матом.

Сумерки остались позади, уступив место глубокой чернее чёрного ночи, Мишн погрузился в сырость и пробирающий до костей холод. Кожаная куртка выгодно смотрится, но все мои мечты и желания в этот вечер только об одном: горячем чае и тёплом пуховике. А ещё лучше было бы оказаться сейчас в постельке под гигантским одеялом, которое так заботливо приобрёл для меня Дэвид:

– У нас значительно холоднее, чем в Брисбене, – объяснил он, вручая доставленную Амазоном упаковку. – Мне показалось, тебе холодно под тонким пледом.

«Приготовленным любящей матерью» – мысленно добавляю я.

Не знаю почему, но именно в тот гудяще-гремящий вечер в Мишн, окружённая тысячами людей, я ощутила самое острое одиночество в своей восемнадцатилетней жизни. Так грустно и так тоскливо мне ещё никогда не было.

Ближе к концу шоу к нам подходит парень, его лицо мне знакомо: он всегда сидит с Дамиеном за их VIP–столиком в школьной столовой, вместе с Роном, Меланией и другими, всегда одними и теми же приятелями.

– Крис! – протягивает мне руку, странно вглядываясь в глаза.

Я медлю.

– Он нормальный, – вмешивается Либби. – Хоть и брат… *Мелании,* – она произносит имя натянуто уважительно, не скрывая искусственности своей попытки, – но чувак, что надо!

Они обнимаются, демонстрируя давнюю дружбу, и когда Крис снова поворачивается ко мне, я уже первой протягиваю руку:

– Ева!

– А я знаю. Очень приятно, Ева!

Его глаза сияют знакомым блеском. Сколько таких глаз осталось в Брисбене, в моей небольшой школе, где меня любили?

– Знаешь меня?

– Тебя все знают, – улыбается, всё так же не отрывая глаз.

– Оу-оу-оу! Крис, полегче! Твоей сестре это не понравится! – Либби приторно ржёт, подтверждая мои подозрения.

Laurel – Life Worth Living

Я замечала взгляды Криса и раньше, в школе. И он не смеялся с остальными, когда кто-нибудь или же сам Дамиен проезжался, очевидно, своим сальным языком по моей персоне. И это тоже я заметила.

Заметила тогда, а значение придала только сейчас.

– Замёрзла? – спрашивает, и я отмечаю, насколько они похожи с сестрой внешне.

Кристиан – красивый парень. Довольно высокий, ладно сложенный, с умными, проникающими в душу глазами и чуть вьющимися чёрными волосами. От него приятно пахнет мужским одеколоном и сигаретами.

– Да, есть немного, – плотнее стягиваю на груди полы почти не прикрывающей куртки.

Крис снимает свою такую же кожаную куртку, только раза в два больше моей, и подчёркнуто аккуратно, едва касаясь, надевает на мои плечи:

– Так теплее?

– Теплее, – честно признаюсь. – Намного. А как тебе в одной футболке, не холодно?

– Нет, – топит в своей улыбке. – Меня твои глаза греют…

Боже, как приятно! После мерзлоты последних недель в «семье» этот Кристиан – как тёплый весенний луч в моём тёмном царстве.

– Между прочим, мне тоже холодно! – Либби кладёт руку Крису на бицепс, и замеряет, пользуясь случаем, его ширину. – Что, если девушке меньше повезло с глазами, ей теперь погибать от переохлаждения?

Крис приобнимает её за талию:

– Прости, курток больше нет, но есть руки. Горячие! – подмигивает.

– Да? – Либби смотрит на него с подозрением.

Крис поднимает глаза, мгновение смотрит в мои, потом возвращается к Либби:

– Просто шутка, Либ. Залезай к Еве, там места хватит обеим.

Не знаю почему, но мне приятно. Очень-очень приятно. Кроме того, в голове моей зреет некий план, в удачности которого я не уверена, но желание проверить не перестаёт дразнить мою мстительную душу.

– Крис, – таким голосом я давненько не пользовалась. – А можно мне твои руки?

На его лице шок, медленно перерождающийся в возбуждение:

– Конечно.

Я выныриваю из его куртки, оставляя Либби греться в одиночестве, и Кристиан обнимает меня сзади, плотно прильнув своей на удивление горячей грудью к моей спине. Его дыхание в моих волосах, и я даже могу себе представить, как он прикрыл глаза от удовольствия.

– Дааа… – провозглашает Либби, созерцая наш тандем. – Зря вы это затеяли, ребята. Ой, зря!

И снова взгляд. На этот раз мистер Блэйд лезвием не вооружён. Он зол, и это странно. Парень за моей спиной придаёт мне уверенности и сил выдержать напор и не сбежать первой. Но и Дамиен не сдаётся, нанизывая мои мелкорубленые кусочки на стальной вертел своей злости. Обещая зажарить, обуглить и растереть в пыль. Мы оба проваливаемся в неожиданную бездну этого зрительного контакта, люди вокруг, их возгласы, музыка, рокот трека растворяются, оставляя нас наедине. И ни один не желает сойти первым. Внезапно становится трое: Мелания берёт наш звездолёт на абордаж, выбивая одного из пилотов взглядом – меня. Она обещает испечь моё тело в Земном ядре. Я советую ей провалиться в ад и оставаться там вечно. Они оба отворачиваются.

Дамиен проигрывает третью гонку, взяв слишком широкий радиус на последнем повороте и позволив красному Корвету обойти себя слева. Странно счастливой и довольной выглядит Королева, на лице Дамиена – маска непроницаемости.

– Как-то необычно реагирует твоя сестра, – говорю Крису, – вроде как совсем не огорчилась, что её бойфренд гонку продул.

– Её мало интересуют его выигрыши.

– Смотря, о каких выигрышах речь, – встревает Либби.

Мы с Крисом синхронно поворачиваемся в её сторону, и я уточняю:

– Что ты имеешь в виду?

– Деньги. Как всегда, деньги. Для Дамиена соперничество давно уже перестало быть интересным, тем более, что объективно ему и соревноваться-то не с кем. Он же нарочно проиграл. Ты разве не видела?

– А не лучше ли кое-кому придержать язык за зубами? – вскидывается Крис.

Остаток ночи уходит на обратную дорогу, утро и день – на долгожданный глубокий сон, душ и послеобеденный завтрак. Воскресенье – день костров в Уайт-Рок, самой тёплой части

залива, единственного места, где летом в Ванкувере можно купаться. С тоской вспоминаю тёплое море Австралии, белый песок и лазурную воду.

– Зато у нас нет акул! Ну… почти нет! – улыбается Крис, заехавший за мной.

– Но есть дождь.

– Ууу, да ты ещё дождя не видела, Ева! Подожди ноября! – загадочно мне подмигивает он.

– Что? Неужели ещё хуже?!

– Знаешь, чем хороша наша погода? – Крис умеет потрясающе очаровательно улыбаться.

– Чем?

– Есть повод согреться в чьих-нибудь объятиях!

– Намекаешь на свои? – подхватываю его игривый настрой.

Крис отвечает таинственной улыбкой и отворачивается, разгоняясь на полосе выезда на автобан.

Глава 12. Костры

The Veronicas – On Your Side
Foster The People – Pumped up Kicks

В Уайт-Рок я впервые, и это место впечатляет. Пожалуй, этот берег – самое красивое, что я успела увидеть в Ванкувере. На широченной полосе пляжа собралось довольно много молодёжи. Почти все лица – наша школа и вчерашние болельщики. Я насчитала шесть костров, около каждого – группы по интересам. Мне же суждено попасть, разумеется, именно в ту, где уже сидят в обнимку Дамиен и его Мелания.

Крис покидает меня, чтобы поцеловать сестру в щёку и поздороваться с Дамиеном и Роном. Я же – в полном игноре, пока Крис не возвращается, чтобы сесть рядом, давая всем понять, что мы – вместе. Удивительно, но никто из присутствующих даже не пытается меня подкалывать или смеяться, как это обычно происходит в школе. Кроме того, из девушек – только я, Мелания и Либби. Все остальные восемь человек – парни.

– Дам, ты зачем гонку слил? – внезапно вскидывается один из них.

Дамиен только ухмыляется, не считая нужным снизойти до ответа.

– Бабла много снял? – не унимается тот.

– А ты не считай, а то завистью подавишься! – отвечает за Дамиена Мелания.

– А я не с тобой разговариваю! – замечает тот ядовитым тоном.

– Парень, – Дамиен делает многозначительную паузу, но заткнуться оппонента заставляет скорее его карий пронзительный взгляд, нежели слова. – Никогда не стоит соваться туда, куда тебя не просят. Это бывает крайне вредно для здоровья, знаешь?

– Окей, – тянет блондин, теперь уже стараясь обратить недоразумение в шутку.

– И девушке не хами, – снова пауза. – Если нос свой в зеркале и дальше хочешь видеть прямым, а не вмятым, – подмигивает, тонко поймав шутливую линию оппонента.

Блондин кивает:

– Без проблем, Дам. Только я вчера три сотни на тебя поставил…

– Значит, в следующий раз не ставь, – Дамиен пожимает плечами, отвечая на поцелуи присосавшейся к своей щеке подруги.

Я ни разу не смотрю в их сторону, но почему-то всё равно замечаю все нежности, те самые, которые не для посторонних глаз.

– А ну, подвинься-ка, – внезапно слышу голос Криса у самого своего уха.

Он добыл одеяло: тёплое, плотное, тёмно-синего цвета, с сухими травинками и колосками, запутавшимися в длинном шерстяном ворсе. Крис аккуратно складывает добытое полотно вдвое и расстилает на холодном, уже почти ледяном песке.

– Садись!

И я не без удовольствия усаживаюсь, поджав под себя ноги, укутав поясницу оставшимися свободными концами. Кристиан, конечно, садится рядом, и что мне больше всего нравится – без единого намёка на интимность. Он просто рядом, на том же одеяле, что и я, и ничего более.

– Дам,– сквозь шум и болтовню компании слышен демонстративно повышенный голос Мелании, – мне не нравится, что они сидят на НАШЕМ с тобой покрывале!

– Это одеяло, – вяло отвечает тот.

Я подскакиваю как ошпаренная. Это происходит даже раньше, чем мой мозг успевает обработать и упорядочить все возникшие в нём мысли, идеи и догадки, главная из которых – это ИХ одеяло для СЕКСА в неожиданных местах. Таких как пляж, например, или… парк? Очевидно, Кристиан утащил его из тачки Дамиена.

– То-то же! Давай-ка его сюда, НАШЕ одеяло! – требует, посмеиваясь, Мелания.

И я замечаю, как едва заметно ухмыляется довольная физиономия моего сводного брата.

Кристиан сметает злополучное одеяло с песка и вместе с его частью швыряет в сестру и друга:

– Да подавитесь вы своим одеялом!

Народ, уже успевший умолкнуть, наблюдая за всей этой сценой, раскатывается хохотом по всему пляжу, кто-то уже, разумеется, отпускает сальные шуточки по поводу и без, Мелания вся светится во всеобщем внимании, заострённом на том факте, что всеми желанный Дамиен спит именно с ней, а не с кем-нибудь другим.

Но Кристиан недаром брат своей сестры, парень не теряется, скидывает с плеч всё ту же кожаную куртку и расстилает вместо одеяла.

– Садись! – снова командует. – На моей куртке они точно не трахались!

И пока я спешу воспользоваться предложением, ибо действительно песок холодный, Мелания успевает выплюнуть:

– Я бы не была в этом так уверена, Кристи!

А Кристи, позволив себе приобнять меня, шепчет в самое ухо:

– Не слушай, она провоцирует.

И я разворачиваюсь, чтобы прошептать ответное:

– Я знаю. Спасибо за одеяло и куртку.

– Можно я обниму тебя? Так теплее! – Кристиан снова обдаёт моё ухо горячим шёпотом.

– Ты уже обнял, – отвечаю я тем же способом.

Крис оборачивает вокруг моего окоченевшего тела свои руки, утыкается носом в мой затылок, как будто вдыхая его запах, а может быть и правда делая это, но так, чтобы никто не заметил. И я снова вижу тот самый взгляд Дамиена: острый, почти одержимый, страстный, вибрирующий ненавистью. Именно этого его взгляда я боялась в детстве. Именно в такие моменты он бывал способен на особенно жестокие ответы, не говорю выпады, потому что в той спирали взаимного обмена подлостями, оскорблениями и подставами уже сложно было понять, кто первым всё это начал, кто прав, а кто виноват.

– Для вас двоих слишком много одного этого, такого ценного, одеяла! – заявляет Либби, толкая бедром Дамиена. – Делитесь!

И он, то ли погрязший в собственных, одному ему известных думах, то ли по доброте душевной, что вряд ли, двигается, уступая моей подруге край с левого фланга. Мелании это не нравится, но она молчит, выгнув бровь, и испепеляет Либби взглядом. В конце концов Мымра, не выдержав, бросает:

– Задницу свою не жми так к нему!

И снова смех, и снова шутки. Но я замечаю, что Дамиену всё это не очень нравится, вижу, как нахмурены его брови, как неподвижен взгляд, зафиксированный на песке прямо перед ним. Словно перед бурей.

И не ошибаюсь:

– Нам пора, – сообщает, резко вставая.

– Мы же только приехали! – не верит своим ушам Мелания.

– Если хочешь, можешь оставаться, а мне нужно в город, – его тон непреклонен.

– Да что с тобой такое?! – она огорчена, расстроена, но её голос, хоть она и возмущается, мягкий, покорный.

Мелания поднимается, лицо её перекошено то ли обидой, то ли разочарованием, то ли не знаю ещё чем, но пока руки складывают синее одеяло, она успевает нацепить маску непринуждённости, улыбку и свою царскую корону.

Дамиен прощается с друзьями, и многие из них не скрывают недовольства столь преждевременным уходом звезды местного пошиба.

– Нам есть чем заняться! – уверяет всех Мелания, вложив в каждую гласную максимум своих ожиданий. И чтобы совсем уж ни у кого не осталось сомнений, закрепляет эффект почти вызывающим поцелуем в губы.

Я отворачиваюсь – смотреть на чужой интим неприятно. Когда в кино, это одно дело, а наяву и с реальными людьми чувствуешь себя извращенцем. Но я в этих ощущениях абсолютно одинока, потому что все остальные поддерживают представление свистом и поощрительными возгласами, даже Крис, сидящий рядом со мной, не может удержаться от комментария:

– Только потише ночью, ребята! Я не могу смотреть порнуху, когда за стеной реальный марафон!

Ребята, естественно, ржут, Рон считает своим долгом похлопать Дамиена по спине:

– Реальные парни не спят рядом с такими красотками, как Мел! – заявляет, и сестра светится, буквально плавает в море собственного самомнения.

Мне остаётся только подняться и уйти к воде слушать размеренность волн, подставлять лицо не сильному, но уже пахнущему октябрём ветру. Крис обнаруживает себя сигналом пришедшего на его телефон сообщения: вначале я вижу его красивое лицо, освещённое голубым светом, затем перевожу взгляд на экран и замечаю переписку с Дамиеном.

Dam: «Отвезёшь её?»

Christian: «Конечно!»

Dam: «Окей»

Надо же, думаю, какая забота!

– Обратно я поеду с Либби, – ставлю его в известность.

Кристиан улыбается моей ослиной упёртости, находя в ней очарование:

– Не будь такой колючкой! Теперь, когда твой брат попросил меня присмотреть за тобой…

– А он просил?

– Просил, – улыбается ещё шире, – руками не трогать! И не позволять другим!

Пожимаю плечами, демонстрируя полнейшее отсутствие веры в это признание.

Глава 13. Дамиен: Вкус, цвет и запах

Kings of Leon – I Want You

– Называй меня своей девочкой!

– Девочкой…, – повторяю, не веря своим ушам.

– Да. Только вслушайся: «моя девочка…». Ммм, – стонет у моего уха.

– Это звучит затаскано, не находишь?

– Нет. Это звучит так, как и должно звучать – ласково!

Мелания прижимается щекой к моему подбородку, водит ею по отросшей за день щетине, затем медленно опускается ниже, целуя шею, и ещё ниже, к ключицам – знает, что именно это заводит меня больше всего.

– Будешь называть меня своей девочкой? – выдыхает в губы.

Очередной бред в её голове, дурь, которой нужно подыграть. Иногда статус её бойфренда меня утомляет. Иногда.

Подруга опускается на мои бёдра, трётся об уже откровенно выпирающего меня именно в том ритме, и я решаю не быть таким категоричным:

– Я подумаю.

Она однозначно умеет целоваться и не только. Мелания – лучшая девушка из всех, какие у меня были: дикая развратная кошка, всегда пахнущая сексом, умная, хитрая, сильная – достойная пара моему больному ЭГО. Мне хорошо с ней, удобно, никогда не скучно, и я всегда могу получить самый крутой секс, какой только возможен.

Но есть проблема.

Маленькая такая проблемка.

Небольшое недоразумение, которое стопудово само собой исчезнет в ближайшее время.

Исчезнет, я говорю!

Думаю, всё это началось ещё в аэропорту, когда я увидел её в той кофте. Или в топе, не знаю, к какой категории женского гардероба можно было отнести ту тряпочку. Именно клочок ткани на тонких лямках, свободно болтающийся вокруг её… ммм…

– Ооох, умм, – тянет Мел, оценивая мою эрекцию.

Это будет третий раз, она снова хочет, а я, признаться, уже прилично устал – долгий день, насыщенный событиями.

Тонкая ткань в мелкий цветочек на ярко-синем фоне едва прикрывала её грудь. Это была такая разновидность женского топа, который носят без бюстгальтера, потому что плечи, ключицы, спина – всё это максимально выставлено на обозрение. И ткань: она просто лежит на «них» сверху, будто просит просунуть под тонкую лямку палец и чуть её подвинуть, чтобы уже увидеть полностью. Оценить форму и цвет, и …

Она не узнала меня. Ни тени подозрений в её взгляде, ни малейшего намёка. А я впервые в жизни стал камнем, застывшей глыбой сокрушающих эмоций.

Ева изменилась. Она стала… девушкой! Женщиной. Красивой.

Минуты, растянувшиеся в вечность, я вглядывался в стрелки своих часов, пытаясь понять время. Но цифры никак не желали поддаваться осмыслению.

Помню, как смотрел ей вслед, оборачивая взглядом затянутые в тёмную джинсу бёдра, но клином в моём размякшем мозгу стала почти голая спина, вернее, смуглая кожа на ней. Клином, потому что желание рвануть за ней и укусить загорелую лопатку иначе не назовёшь. Хотелось схватить её зубами не нежно, как делаю это с Мел во время секса, а так, как впился бы в огромный сочный персик…

– Красивая девушка!

Дряхлый старик, нависший над своими престарелыми ходунками, приоткрыл рот, смакуя удаляющуюся спину с австралийским загаром моей сводной сестры.

Сколько ему? Лет восемьдесят? Девяносто?

Я искренне надеялся, что годам к тридцати долбаная утренняя эрекция уйдёт в прошлое, как и постоянная, неутомимая потребность в женщинах. Но глядя на буквально сочащийся слюной рот этого старика, меня охватывает разочарование: одержимость сексом делает мужчину уязвимым.

Я мысленно догоняю Еву, впиваюсь зубами в её смуглую кожу именно там, где хотел бы больше всего – на лопатке, сжимаю их, но не сильно, как персик, а как кожу желанной женщины…

– Вссс… – втягиваю воздух, вбивая свои последние удары в модельно тощее тело подруги.

Одним движением избавляюсь от презерватива и, привычно метнув его в угол, самый близкий к ванной Мел, заваливаюсь на спину. Закрываю глаза: мне нужен отдых. Давно уже нужен.

– Знаешь, что я ценю в тебе больше всего? – после секса голос Мел всегда кажется чересчур лисьим, каким-то до тошноты елейным. Лучше бы она просто молчала. Спала или шла принимать душ. Главное, молча.

– Что?

– Твою неутомимость! – снова целует мою грудь.

– Я тоже её ценю, – отвечаю сонно и почти сразу проваливаюсь в воспоминания о кафе.

Да, этот ритуал – ежедневно засыпать, прокручивая в голове ту нашу самую первую встречу, стал одной из пакостных сторон моей проблемы.

Я решил разыграть её: очаровать, пригласить на свидание, а когда согласится, расхохотаться в лицо. Чем не приветствие в память о старых добрых временах? Однако, когда дело было уже почти в шляпе, во мне со звоном лопнула некая неизвестная до этого момента струна, и я передумал. Эта её улыбка, ложбинка между грудей, и, главное, шоколадный взгляд тронули в моей душе нечто глубинное. Я вдруг решил внять многочисленным просьбам отца: «Будь с ней поласковее!».

«Чёрта с два!» – петушилась моя гордость.

BO Nenni (Original Mix)

Но если быть честным, я ждал её приезда. Стыдно признаться, но извращённый ум, невзирая на все мои угрозы и упрёки, считал дни: семь дней, пять дней, три дня, два, один… И я, неожиданно для себя самого, соглашаюсь сделать то, о чём меня так просили, и на что я так упорно не соглашался – встретить её. Чтобы увидеть первым, какой она стала, насколько изменилась.

Но я совсем не ожидал, что наша встреча будет вот такой… необычной. Она сидела напротив – слишком далеко, чтобы говорить, но достаточно близко, чтобы видеть. На запястье выбит рисунок – алый цветок мака. Пока Ева делала вид, что читает свой журнал, я мысленно боролся с желанием перевести эту татуировку в совершенно другое место – в ту самую ложбинку между её торчащих смуглых грудей, которую она так смело выставила на всеобщее обозрение. Наверное, у них там, в Австралии, принято так одеваться – едва прикрывая тело клочком тонкой ткани, но у нас тут, в Северной Америке, это… сносит на хрен мужские мозги! Даже если они принадлежат сводному брату. Даже если он до сих пор думал, что ненавидит свою сестру.

И вот я прямо в Starbucks впервые в жизни научился фантазировать: облизывал эту ложбинку между её грудей, даже там, в мечтах, выдавая свою жажду в женщине за стремление насладиться эстетикой алого цветка.

Мы всегда играли с ней в игры. ВСЕГДА.

Я никогда не был сентиментален, в моей голове не водилось никакого бреда, только трезвые взвешенные решения, чёткие планы. Я не знал, что такое фантазии и неудовлетворённые желания: всё, чего хотел, всегда получал. Даже слишком быстро, иногда настолько, что в восемнадцать лет от моей жизни стало веять плесневелой скукой.

В тот сентябрьский день в Starbucks в меня будто вошёл поток неуёмной космической энергии: так резво, а главное, неконтролируемо и беспричинно моё сердце никогда ещё не билось. Мы обменивались взглядами, и всякий раз, как это происходило, я чувствовал натягивающиеся стропы притяжения. Влечение. Это было влечение, наверное. Обычное желание заняться сексом с симпатичной девчонкой, которое очень скоро пройдёт. Исчезнет.

В три ночи я внезапно просыпаюсь от острого желания вернуться домой, в свою постель. Мелания спит чутко, поэтому уехать, не ответив на её обиженные вопросы, не удаётся:

– Почему, Дам?

Её голос звучит так, словно она сейчас заплачет. А может быть, действительно плачет, в темноте мне не видно.

– Завтра суббота, мне нужно быть в автосервисе в восемь утра и прихватить кое-какую деталь для Porsche Рона.

Странно, но она не спрашивает, какого чёрта автомобильные запчасти делают у меня дома.

– Сколько ещё вы будете возиться с ним?

– Понятия не имею: детали слишком долго доставляют. Европа находится далеко от нас, детка!

– Почему нельзя заказать всё, что нужно, сразу? Или вам доставляет удовольствие эта бесконечная возня?

– Потому что, – целую её в губы долго и с чувством, зная наверняка, что это самый веский аргумент из всех, какие я могу предоставить. – Пока!

– Завтра останешься? – не унимается.

– Посмотрим, как день сложится. Но, скорее всего, да, – ласкаю большим пальцем её щёку.

– «Да, моя девочка»! – поправляет.

– Окей, моя… нет, я чувствую себя слюнявым актёром бабской мелодрамы! Почему бы тебе не быть просто моей Меланией, как обычно?

Она повисает на моей шее:

– Потому что я люблю тебя!

– Я тоже тебя люблю, – отвечаю, ни секунды не сомневаясь в своих словах.

Я сказал себе, что с этой девушкой у меня серьёзно. Мы не просто подходим друг другу, мы родственные души.

Моя мать бросила меня в настолько бессознательном возрасте, что я даже не помню её лица. Я ничего не помню. И хотя отец молчал на протяжении восемнадцати лет, отметая все мои вопросы, бабушка никогда не скрывала, что моя родная мать, женщина, давшая мне жизнь, ушла к другому мужчине. То же самое случилось и с матерью Мел, с единственной разницей: моя девушка выросла в полной семье. Сейчас её родители в разводе, мать повторно вышла замуж за владельца ресторана на набережной Лигурийского моря и счастливо живёт в туристическом городке Леванте, в Италии. Из них двоих – Мелании и Кристиана – только Крис общается с матерью добровольно, Мел же ненавидит её за то, что бросила отца, и я её понимаю. Потому что тоже ненавижу. Не конкретного человека с лицом, руками, ногами, определённым цветом глаз и волос, а просто нечто, не посчитавшее меня достаточно веским поводом остаться, не уходить. Нечто, так и не полюбившее меня. Не пожелавшее стать мне матерью. Не давшее мне шанса узнать, что это – материнская любовь, мягкие нежные ладони, о которых

пишут в книгах, умиротворяющий голос, объятия и поцелуи, дающие силу своему ребёнку, внушающие чувство безопасности, защищённости от жестокости и несправедливости мира.

Настанет день, когда я создам свою семью, но мой выбор будет самым взвешенным выбором в жизни: я хочу, чтобы у моих детей всегда была мать. А отец у них будет в любом случае.

Мне нравится Мел, она похожа на «ту самую». Ту, которая нужна мне.

Но в груди до сих пор болит от того, как изменилось лицо Евы, когда она поняла, кто я. Как сузились глаза, поджались губы, как игривость переродилась в раздражение. Видеть это оказалось так больно, что не пришлось даже играть удивление. Я позволил эмоциям выплеснуться, и она поняла их так, как я и рассчитывал: приняла боль за шок. В машине Ева боялась дышать из-за неловкости нашей встречи, а я пытался справиться с пробоиной в груди. Это было незнакомое чувство, необычное, приятное и болезненное одновременно, как горько-сладкий шоколад.

Я стал совершать странные поступки. Глупые. Настолько бредовые, что порой, чаще всего в ванной и по утрам, спрашиваю у собственного отражения: что это было?

Зачем, например, я припёрся в её комнату и завёл разговор об идиотской салфетке? С какого… вдруг ляпнул о важности моих отношений? Не то, чтобы мне было совершенно на них наплевать, но даже если бы Мел и узнала, она не из тех, кто устраивает сцены. Каждая собака в радиусе Большого Ванкувера знает о существовании знаменитого кодекса женской мудрости, изобретённого моей подругой и чтимого ею, как Библейский Завет. Иными словами, мне дела нет до той салфетки. Тогда ещё раз: какого дьявола я сделал то, что сделал? Что со мной происходит?

Я не могу объяснить собственные эмоции, нахлынувшие, скорее даже, «затопившие» меня после того как увидел красно-синие пятна на её руках. Отец не раз говорил, что мужчина отвечает за свою семью, а потому всегда обязан быть готовым защищать её. Мы с ней не родственники и не друзья, но числимся в одной семье, поэтому, наверное, я и почувствовал это… эту обязанность. Но быстро себя одернул: какое мне дело до ее недоразумений? Объяснили, как вести себя? Ей же лучше, не станет нарываться на проблемы посерьёзнее. Хотя, зная Еву…

По дороге домой я разматываю пыльный мешок воспоминаний детства, желая припомнить главное – с чего «всё это» началось? Мы враждовали с самого начала, и я сейчас даже не могу сказать наверняка, было ли наше взаимное неприятие вызвано отторжением именно друг друга или родительской «поздней любви». Скорее всего, второе: уж слишком ненавидели мы оба те перемены, которые случились в нашей жизни с момента заключения брака между моим отцом и её матерью.

Я ненавидел эту вездесущую навязчивую женщину по тысяче причин, главной из которых была её предательская сущность. Вряд ли Ева об этом знает, но их связь с моим отцом началась задолго до смерти её первого мужа. Она изменяла ему. Подло, низко, гадко, мерзко изменяла. Приезжала из своей Австралии, чтобы спать с моим отцом и притворяться моей матерью. Последнее было самым невыносимым, самым отвратительным, и мне, в мои юные годы, казалось, что ничего более ужасного в моей жизни произойти не может. Оказалось, может! Она привезла в наш дом свою дочь: тощую, до изнеможения вредную, кареглазую Еву.

– Теперь вы с Евой братик и сестричка! – возвестил её тошнотворный голос.

– Ещё чего! – тут же взбрыкнула Ева, презрительно смерив меня взглядом.

– Пффф! – не остался в долгу и я.

Первый же её день в моём доме стал кошмаром, персональной обидой: отец настоял на том, чтобы я освободил свою просторную комнату с балконом и перешёл в маленькую с узким окном во внутренний двор, потому что девочкам нужно уступать лучшее. Ночью, лёжа на новом месте и безуспешно стараясь уснуть, я не оплакивал своё почившее счастливое прошлое, нет! Я строил планы…

Месть стала самой увлекательной и изнуряющей игрой за всю мою жизнь, потому что она – эта наглая глазастая Ева с тонкими, как прутики ногами – мстила в ответ. И перевес почти всегда оказывался на её стороне: её мозг был изощрённее в выдумывании пакостей, гадостей, подстав и прочей дряни. Пока я совершенно случайно не выяснил, в чём именно скрывалась её слабость – в банальной ревности!

К тому моменту нам обоим уже исполнилось по одиннадцать лет, и я вдруг обнаружил, что девочки интересуются моими поцелуями.

– Дамиен, а ты умеешь целоваться? – жеманно улыбаясь, спрашивали они.

И мне стыдно было признаться, но я не умел. Понятия не имел, как это делается. Ну, ясно, что губами, но… В общем, её звали Молли, и она жила в пяти домах от нашего. В тот день, а это была суббота, Молли пришла учить меня целоваться, о чём мы договорились с ней накануне, идя из школы домой. Я не мог и представить себе, что такой совершеннейшим образом малозначимый для меня факт, как целование с девчонкой, произведёт настолько масштабный эффект на Еву: её глаза были не просто огромными, они блестели, как если бы она была на грани слёз. Как если бы она испытывала физическую боль и никак не могла с ней справиться.

С того момента Ева буквально взбесилась, превратилась в фурию, выдумывая всё новые и новые способы досадить, а мне думать больше было ни к чему: я чётко знал, что нужно делать, и девочки с этого момента не переводились. Я не любил целоваться и с трудом понимал, что, вообще, девчонки находят привлекательного в этом слюнявом акте, но мне до безумия нравилось делать это на глазах у Евы – раз за разом повергать её в «то самое состояние». И это было до безобразия забавно: я делал поистине ужасные вещи, как только ни унижал её, чего только ни творил с ценными для неё вещами и событиями, но ничто из этого не производило такого мощного эффекта, как мои поцелуи с девчонками.

Ревность! Банальная ревность оказалась её Ахиллесовой пятой.

В конце концов, она спустила меня с лестницы, и всё закончилось. Её устранили, убрали из нашей жизни, отправив жить к бабке в Австралийский город Брисбен.

– А где Ева? – спрашиваю я Энни, обнаружив свои вещи в комнате сестры – моей старой комнате.

– Мы отправили её в Брисбен, Дамиен.

– Навсегда? – и моё сердце в прямом смысле останавливается.

– На то время, пока она не научится вести себя по-человечески, мой дорогой! – Энни целует мой лоб, а я резко уворачиваюсь, испытывая эмоции, очень похожие на физическую боль.

Дом стал пустым и скучным, а жизнь – лишённой смысла, цвета, вкуса и запаха.

Глава 14. Приём гостей

Still Corners – The Trip

Ева:

В субботу мать возвращается из Костко, подозрительно перегруженная пакетами.

– Помочь? – спрашиваю.

– О! Это было бы просто замечательно, Ева! – её глаза загораются. – И знаешь, мне также потребуется помощь с готовкой. Сможешь?

– Смогу. Намечается мероприятие?

– Да. Сегодня мы с Дэвидом хотели бы сделать то, что должны были уже очень давно, но… – и мать вдруг осекается. – В общем, не важно. Узнаешь за ужином.

Наряду с множеством пластиковых боксов, набитых овощами и фруктами, мои руки вытягивают две упаковки мужского белья. Men`s boxers – говорится на коробках с синими трусами двух разных размеров. Если те, что побольше, для Дэвида, то кому предназначаются те, что меньше?

– Ма! Ты что?! Трусы ему покупаешь?

– Кому «ему»? – спокойно уточняет мать. – Своему мужу или своему сыну?

– Дамиену!

– Да, покупаю. А что в этом неправильного? Кто-то же должен о нём заботиться!

– Думаю, о его потребностях очень хорошо пекутся там, где он ночует!

Это был неосторожный выпад. Хорошо, что предмета обсуждения не было дома, иначе меня совершенно точно обвинили бы в ревности. Беспочвенно! Беспочвенно?

– Запомни дочь: никто и никогда не будет заботиться о нём лучше, чем мать!

– Да какая ты ему мать? – вскидываюсь.

– Какая есть! – рявкает в ответ.

– Ну да, – говорю, – если сравнивать со мной, то для него ты действительно мать!

– Ева! Опять ты за своё! – шипит. – В девицу вымахала, грудь отрастила, а ума, я смотрю, так и не набралась!

Это грубо. Обидно и незаслуженно. Но я никогда не признаюсь в этом вслух.

– Ты перегибаешь палку со своей заботой, – отвечаю ей, призвав всё спокойствие Космоса.

– Я делаю то, что считаю нужным! И не тебе указывать, как мне поступать!

Спустя пару минут добавляет:

– Кроме того, у нас сегодня гости и очень важный вечер. Сделай над собой усилие, побудь хоть раз в жизни «милой» – прикуси язык!

– Как мне тогда есть?

Один многозначительный взгляд объясняет, как именно, и не оставляет желания продолжать дискуссию.

– На кухне справлюсь сама. Найди что-нибудь поприличнее из одежды и сними уже эти джинсы, наконец!

Когда дверь в холл открылась и явила «гостей», я едва не подавилась собственным языком. Тем самым, который мне было велено прикусить.

– Энни, ты обворожительна как никогда! – самозабвенно поёт гостья.

– О, спасибо детка! Знаешь, голубой тебе к лицу – в нём ты похожа на ангела! Да ты и есть ангел… Ева, это Мелания – любимая девушка Дамиена! – подпевает моя мать.

– Оу… – успевает выдавить Мегера.

– Мы знакомы, – заявляю, чтобы не протягивать руку.

– Да-да, Энни, мы уже встречались… в школе. Дамиен, что же ты не сказал, что Ева твоя сестра?

Слишком много чести.

– Ты не спрашивала, – отвечает братец, запихивая руки в карманы.

Нужно отметить, белая рубашка ему к лицу. И это впервые в жизни, когда я вижу брата одетым в нечто иное, нежели футболки. Он склоняется над столом, чтобы украсть помидор черри из салатника, ткань на спине натягивается, и я чётко вижу очертания его татуировки.

– Гм-гм, – напоминают мне о столь уважаемом в Канаде праве частной собственности.

Я вынуждена оторваться от лопаток, обтянутых белой рубашкой, чтобы упереться в испепеляющий взгляд собственницы.

– И всё же, как замечательно, Дамиен, что у тебя есть сестра! Это ведь означает, что и у меня теперь она тоже есть, не так ли?

Я не успеваю даже промычать, не то, что ответить.

– О, Мел! Ты чудо! – мать обнимает эту змею так, как не обнимала меня даже при встрече после аэропорта. – Единственное разумное существо в нашей семье, это ты, детка! Присаживайся поскорее. Это будет очень важный для всех нас вечер!

Мне показалось, или она собралась всплакнуть?

Что происходит, вообще? Неужели эти двое женятся? Беременность? От вариантов развития событий в груди как-то очень уж больно покалывает. С чего бы это?

– Дэвид получил повышение и временный перевод в Бостон! – торжественно сообщает мать, подняв бокал.

– О, Дэвид, поздравляю тебя! Лучшие из лучших всегда получают награду! – бьётся в экстазе восхищения гостья и получает в ответ сухое:

– Спасибо.

– Мы решили поехать вместе! – всё с таким же упоением продолжает мать. – Поэтому примерно через две недели, дети, дом будет полностью в вашем распоряжении! Мелания, ты просто осчастливишь меня, если поселишься на это время у Дамиена! Так мне будет спокойнее!

«О нет!» – думаю, – «Только не это! Моя жизнь на пороге катаклизма!»

– Не думаю, что это – хорошая идея, – мгновенно отзывается Дамиен, и я, не стесняясь, выдыхаю.

Наши взгляды на мгновение встречаются, и его словно сообщает: «Не переживай, у меня всё под контролем!». И ещё кое-что говорит, но это уже, думаю, мне показалось.

Замечаю, как Дэвид, ухмыльнувшись, запивает улыбку вином.

– Ну почему же? Смена обстановки нам не повредит! – идея переезда Мелании явно нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.